

Питер Крифт.

Основы философии от Сократа.

Попытка ответить на вопрос «Что такое философия?» через диалог Платона «Апология Сократа».

Сорок утверждений о философии от самого первого и самого мудрого философа.

Попытка приблизиться к пониманию Сократа.

Существует всего три великих введения в философию, написанных великими античными философами – «Апология Сократа» Платона, «Увещание» («Протрептик») Аристотеля и «Гортензий» Цицерона. До наших времен сохранилась только «Апология Сократа».

Эти книги не просто вводят в философию, но навсегда роднят с ней читателя, так как цель этих трех небольших классических трудов – заставить начать по-настоящему философствовать. Не только понять, что такое философия, но и самому ее практиковать. Святой Августин вспоминает в своей «Исповеди», что именно это с ним и сделал цицероновский «Гортензий» – его жизнь уже никогда не была прежней.

Такова же цель и этой книги.

За сорок лет преподавания философии студентам самого разного уровня я открыл, что нет лучшего способа заинтересовать философией и сделать человека любителем мудрости (то есть философом), чем начать с Сократа и его Апологии. Таким образом, этот диалог можно считать учебным классом, который помещается в кармане.

Чтение речи Сократа – это не разглядывание портрета мертвого человека, а скорее общение с его душой. Когда мы с интересом читаем

книгу, особенно написанную в форме диалога (как и всё у Платона), мы замечаем, что текст разговаривает с нами – он задает нам вопросы и требует ответов, но он и сам отвечает на наши вопросы, если они нас действительно волнуют. Диалог втягивает нас в себя и делает одним из участников разговора – поиска вопросов и ответов, – он словно живой.

Читать сократические диалоги Платона – это почти то же самое, что учиться у самого **Сократа** – «отца философии». Для философов это подобно переживанию христианами общения с **Христом** или общению буддистов с **Буддой**. Конечно, общение в этих трех случаях очень отличается друг от друга, но в любом случае оно больше, чем просто чтение книги – чтение книги лишь способно подтолкнуть к нему.

А помните, сколько страниц написали эти трое?

Правильно.

Ни одной.

Диалоги с Сократом – лучшее введение в философию, так как искусство нужно постигать, созерцая шедевры великих мастеров, и нет более великого мастера в философии, который был бы столь прост, ясен и доступен для начинающих.

Попытка приблизиться к пониманию философии.

Мудрец это тот, кто любит мудрость. Святой это тот, кто любит Бога и человека. Стать мудрецом – это второе по значению благо, к которому мы можем стремиться, а первое благо – стать святым. Слово «философия» означает «любовь к мудрости» или «дружба (philia) с мудростью (sophia)», а «философ» - «любитель мудрости» или «друг мудрости». В этом суть философии, это ее верное определение, именно для этого ее и создал ее основатель.

Для Сократа *быть философом* вовсе не значило *преподавать философию*, подобно современному профессиональному профессору философии. Это вообще не означало «профессионал», а лишь «любитель». Любитель – это тот, кто любит, влюбленный. Философ любит мудрость. Профессионал любит деньги. Сегодня большинство профессоров – это профессиональные сотрудники, нанимаемые университетами, чтобы продавать за деньги свою мудрость. Сократ бы назвал их интеллектуальными проститутками. Я один из них. Мой сутенер – Бостонский университет (Boston College). Но я также и любитель мудрости, философ. И философия – это не интеллектуальная проституция, но подлинная любовь, любовь к мудрости. Она любит истину, которая называется мудростью.

Мудрость – это больше, чем знание. Знание всех фактов, хранящихся в библиотеке, не делает тебя мудрым. Мудрость – это не просто знание фактов, но понимание того, что жизненно важно для человека. И это то, что нужно прожить. Она познается через жизненный опыт и переживается нашим опытом.

Знание, как и религия, доступно всем. Мудрость, как и святость, встречается редко.

Как читать эту книгу.

Эта книга может использоваться как для проведения занятий в классах и аудиториях, так и для самостоятельного изучения. Она дает представление и о философии в целом, и о Сократе в частности. Она подойдет как новичкам в философии, так и тем, кто хочет специализироваться на античной философии, особенно на Сократе.

Эта книга – не текстологический анализ упоминаний о Сократе и не историческое исследование о нем и его философии, но попытка заставить

читателя философствовать. Это та же игра, в какую играл Платон в своей «Апологии», но как бы на поле «юношеской лиги» - игра та же, уровень попроще. В моей книге диалог Платона «Апология Сократа» предстает не как старомодное заумное вымершее ископаемое, содержащее крохи примитивных данных, объясняемые (или, скорее, отвергаемые) совершенной современной философией, но живой пример для подражания, идеальный собеседник, с которым ведется диалог. Короче говоря, эта книга пытается делать именно то, что делал Сократ – философствовать, а не объяснять или заниматься чем-либо еще, например, исследованием философствования, сколь бы полезным оно ни было.

Существует множество иных подходов к «Апологии» – исторический, психологический, политический, текстуальный и т.д. – все они интересны и значимы. Но в этой книге «Апология» рассматривается только как введение в философию.

I. Апология Сократа: философия защищается. 40 свойств философии.

1. Философия понимает, что не обладает мудростью (17a¹)
2. Философия сосредоточена на познании самого себя (17a)
3. Философия иронична (17a)
4. Философия безыскусна (17c)
5. Философия – это совсем не то, что принято считать философией (18b)
6. Философия – это неуспех (18b-d)
7. Философия бедна (19e)
8. Философия вненаучна (19c)
9. Философии невозможно научить (19e)

¹ Цифры и буквы отсылают к фрагментам диалога «Апология Сократа».

10. Философия нелепа (20e-23a)
11. Философия отклоняется от «нормальности» (19c)
12. Философия – хитроумная божественная шалость (19e-20e)
13. Философия – поборница равноправия (22a)
14. Философия – божественное призвание (22b)
15. Философия – тяжелый труд (22b)
16. Философия противопоставляет себя общепринятой культуре (22a-e)
17. Философия неудобна (24c)
18. Философия добродетельна (25c-26b)
19. Философия опасна (27e)
20. Философия проста (28a)
21. Философия полемична (28de)
22. Философия исцеляет (29a)
23. Философия традиционна (29d)
24. Философия приводит в замешательство (29d-30a)
25. Философия неуязвима (30c)
26. Философия раздражает (30e-31a)
27. Философия духовна (31cd)
28. Философия аполитична (31a)
29. Философии возможно обучиться (33b)
30. Философия – это дело божественного посланника (33e)
31. Философия благочестива (35d)
32. Философия не практична (36bc)
33. Философия делает счастливым (36e)
34. Философия необходима (37de)
35. Философия бросает вызов смерти (39ab)
36. Философия может ошибаться (40c-41a)

- 37. Философия бессмертна (41b)
- 38. Философии можно доверять (41d)
- 39. Философия причиняет боль (41c)
- 40. Философия не обладает конечным знанием (41e)

1. Философия понимает, что не обладает мудростью.

Первые слова в греческом тексте «Апологии» - *ouk oida* – «я не знаю». Это подсказка, раскрывающая основной смысл диалога². Платон обычно дает такие подсказки читателю, но прячет их, чтобы проверить его. Например, первыми словами «Государства» - «*Я спустился в Пирей*» - Платон показывает, что он погружается в «пещеру» политики. Первые слова «Менона» - «*Можешь ли ты рассказать мне, Сократ?*» - намекают на сам метод Сократа, обучающего не рассказыванием, а вопрошанием. Первые слова «Федра» - «*Был ли ты там с Сократом?*» предлагают читателю максимально приблизиться к жизни и смерти Сократа (в «Федре» описывается смерть Сократа). Это похоже на отношение христианина к смерти Христа – «*Был ли ты там, когда мой Господь был распят? Где ты был тогда?*». Первые слова «Евтифрона» - «*Это что-то новое, Сократ?*» показывают, что Сократ представляет принципиально новый вид религии и благочестия, который не может быть принят приверженцами старого (представленными Евтифроном).

Один из самых ярких эпизодов «Апологии», оставляющий свой след в памяти читателей и в истории философии, – рассказ о пророчестве дельфийского оракула. Друг Сократа Херефонт задал оракулу вопрос, кто самый мудрый человек. Оракул ответил, что нет в мире человека, мудрее Сократа. После этого Сократ посвятил свою жизнь разгадыванию этого

² Собственно, «Апология Сократа» - это один из двух диалогов Платона (всего диалогов 30), которые являются монологами, речью одного человека, хотя в речи Сократа содержится и короткий диалог, когда Сократу разрешают задать вопросы одному из его обвинителей – Милету. (Примечание переводчика).

предсказания, пытаюсь найти того, кто мудрее его, развивая свою методiku «сократического диалога». В конце жизни он нашел ответ на эту загадку. Вот его решение: хотя я и не обладаю мудростью (ведь только Бог обладает мудростью, человек же только ищет ее), но **мудрость и состоит в том, что я понимаю, что моя мудрость ничего не стоит**³. И это первое, что нужно усвоить, если хотите быть мудрыми. Это Урок №1 – первый и самый важный урок.

Паскаль сказал, что существует всего два типа людей: святые, которые знают, что они грешники, и грешники, которые думают, что они святые. Он усвоил этот урок от Иисуса, который применял сократовский Урок №1 в религии. Сократ тоже считал, что существует два типа людей: мудрые, которые знают, что они дураки, и дураки, которые думают, что они мудрые. В философии, как и в религии, гордыня – самый страшный грех.

Сократ начинает свою защиту – защиту себя как философа и философии как таковой – со своего самого знаменитого утверждения, с Урока №1. Так же и учитель дзен дает урок своему ученику, желающему научиться мудрости – он наливает чай в чашку, чашка переполняется, но учитель продолжает лить, льет еще и еще. «Учитель! Прекрати лить! Чашка переполнена!» «Чашка похожа на твое сознание. Как я могу наполнить чашку, если она не пустая?»

³ Нам настойчиво навязывают «главные слова» Сократа: «**Я знаю, что ничего не знаю**». Даже в серии «Популярная философия в иллюстрациях» вышла книга «Я ничего не знаю», автором которой указан сам Сократ (хотя книга представляет собой интересную подборку из произведений Платона, Ксенофонта и Диогена Лаэртского о Сократе). **Но Сократ такого никогда не говорил.** Это очень упрощенное и извращенное понимание Сократа (и появилось оно еще в античности. Самое древнее упоминание этой фразы, приписываемой Сократу, я нашел у Цицерона в его книге «Учение академиков»). Сократ же говорил, что не обладает мудростью. Он говорил, что его знание очень ненадежно, но он не говорил, что **ничего** не знает. Есть ряд утверждений, в которых он не сомневается, в которых он полностью уверен. Он настолько в них уверен, что даже готов подвергнуться казни, но не отречься от них. Разве может умереть за убеждения тот, кто ничего не знает? Что же это за утверждения? Об этом Вы сможете прочесть в этой книге. (Примечание переводчика)

2. Философия сосредоточена на познании самого себя.

«Я почти забыл, кто я». Философия сосредоточена на себе не нравственно, а умственно. «Познай самого себя» (gnothi seauton) – это почти определение философии. Можно быть многознающим человеком, но не знать себя. Но невозможно быть мудрым, не зная себя. Ведь если ты не знаешь себя, то ты не знаком с самим собой. Если тебя никогда не интересовал познающий, а только познаваемое, то сколько бы знаний ты не имел, ты не знаешь, кто же именно обладает этими знаниями.

«Познай самого себя» - эта надпись была на храме оракула в Дельфах. Это была первая заповедь бога Аполлона, который, как считалось, и давал ответы оракула (пророчица пифия вещала от имени Аполлона). Вторая заповедь – «ничего сверх меры». В этих двух высказываниях и заключалась мудрость Аполлона.

Сократ, как мы скоро увидим, отнесся к этим заповедям, особенно к первой, намного серьезнее, чем остальные афиняне. Страшная ирония в том, что он был единственным афинянином, которого приговорили к смерти за неверие в богов.

Предшественники Сократа поражались многому – элементам, из которых состоит мир, небесным телам, загадкам природы, богам, числам – но Сократ философствовал исключительно о человеке и о нравственных вопросах: о добре и зле, мудрости и глупости, истинном и ложном. Наверное, именно поэтому он так хорошо усвоил Урок №1: «Нет ничего более сложного для познания, чем ты сам». И никакие вопросы не сопротивляются так определенности и завершенности обсуждения, как нравственные, потому что нет ничего более глубокого и более близкого нам. Попробуй измерить Землю, и, возможно, тебе это удастся (как удалось одному древнему греку – Эратосфену), и ты тогда посчитаешь себя мудрым. Но попробуй измерить себя и смысл своей жизни, и такие вещи как истина,

благо, красота, и сразу обнаружишь себя плавающим в безбрежных водах где-то намного выше своей головы. Мир внутри тебя намного больше мира вовне.

Может быть, «познать себя» даже не просто сложно, а вообще невозможно. Возможно, это коан (так это высказывание назвали бы дзен-буддисты), неразрешимая загадка, которая именно своей неразрешимостью учит нас и изменяет наше мышление. И всегда остается «Я» где-то вне «меня», познающий вне познаваемого, субъект вне объекта, как проектор в кинотеатре существует вне экрана, на котором показывается кино. Как вообще могло так получиться, что не познаваемое (объект), а именно познающий (субъект) становится познаваемым (объектом).

Честно говоря, я сомневаюсь, что именно это и имел в виду Сократ, призывая познать себя. Это выглядит слишком современным, слишком субъективным, слишком психологичным. Древние были похожи на развитых не по годам детей, которые бесконечно спрашивали: «А что это?». Вероятно, Сократ, призывая «познать себя», не имел в виду «объективировать субъект (познать самого познающего)» или «определить свою неопределимую уникальность». Он просто имел в виду **«Узнай, что такое человек, познай различие между человеком и животным, между человеком и богами, между добром и злом»**. И эту ценнейшую мудрость, как он иронично заявляет, он почти забыл, потому что его обвинители были очень убедительны. Они изображали его дурным, испорченным и портящим других, бесчестным и заумным, неблагочестивым и безбожным. Эта картина была полной противоположностью настоящему Сократу. И он заявляет, что их доводы, подтверждающие эту лживую картину, были столь продуманы, что они чуть было не похитили у него самого себя. Вероятно, никогда на суде не шла речь о столь великой ценности.

3. Философия иронична.

«Как чувствовали себя вы, граждане Афин, когда слышали моих обвинителей, я не знаю. Но я чувствовал себя хорошо. Я даже почти забыл, кто я такой – настолько они были убедительны. Что же касается правды, то кто-то мог бы сказать, что они не сказали ни слова правды. Но, что больше всего поразило меня в той лжи, что они говорили, так это их предостережение, чтобы вы не верили мне, потому, дескать, что я «чрезвычайно умный говорун». Им бы следовало стыдиться говорить это, ведь как только я начну говорить, сразу станет ясно, что это не правда, и вы сразу поймете, что я вовсе не оратор. Это казалось мне их самым постыдным поступком до тех пор, пока они не назвали того, кто говорит правду, «умным говоруном». Если они именно это и имели в виду, то я готов согласиться, что я совсем не оратор в их понимании».

Это, конечно, ирония. Ирония – это контраст между видимостью и реальностью, между тем, что кажется, и что есть, или между тем, что мы ожидаем увидеть, и тем, что мы обнаруживаем на деле.

Древнегреческие трагедии полны иронии, особенно у Софокла. Греки и стали величайшими в мире философами отчасти из-за того, что были ироничны. Они учились задавать вопросы тому, что видят, чтобы **найти нечто большее, некую скрытую реальность, прячущуюся за видимостью.** Животные к такому не способны, но *«живут только видимым»*, говорил Аристотель.

Философия – это любовь к мудрости; **мудрость – это способность видеть то, что за пределами видимости;** а ирония – это контраст между ними. Таким образом, философия по самой своей сути иронична.

Тот ироничный контраст, который виден в первом предложении речи Сократа – это контраст между истинным Сократом, и Сократом, о котором говорят обвинители и пытаются убедить судей, что он именно такой, и даже почти убедили самого Сократа. (Так он и говорит – с сарказмом и ироничным преувеличением). На самом же деле, Сократ – *«самый лучший из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку»* (так пишет Платон в последних строках диалога «Федон»), но его обвинители пытаются убедить присяжных, что он худший человек, *«развратитель молодежи»*. В действительности Сократ – самый благочестивый человек в Афинах, но они пытаются убедить присяжных, что он безбожник. Ирония.

«Что же касается правды, то кто-то мог бы сказать, что они не сказали ни слова правды». Сократ здесь показывает контраст между объективной истиной и субъективной точкой зрения, мнением. Истину невозможно уничтожить, но ее можно скрыть нашими собственными глупыми предрассудками или темными желаниями, а *«убежденность»* может привести разум как ко лжи, так и к истине.

Обвинители Сократа ценят успех, он же ценит истину. Он фанатично предан истине, все его стремления подчинены лишь ей. Можно даже сказать, что истина – это бог Сократа. Ему бы понравились слова «Бог не в силе, а в правде»⁴.

И он просит своих судей *«обращать внимание только на одно..., ведь в этом и заключается долг судьи»*. Это может напомнить и совет Иисуса Марфе: *«Марфа, Марфа! Ты хлопчешь и беспокоишься о многом, между тем как нужно только одно»*. (Лк. 10:46) То «одно», чего просит Сократ –

⁴ Эта фраза содержится и в «Житии Александра Невского» и приписывается ему. В англоязычном интернете эта фраза приписывается или Ганди или Достоевскому. У нас же эта фраза твердо ассоциируется с фильмом «Брат». (Примечание переводчика).

это справедливость. Справедливость – это вид истины, различающей добро и зло. *«Обращайте внимание только на одно – правду я говорю или нет».*

Когда стражи справедливости вынесли приговор, утверждающий, что справедливый Сократ поступал не справедливо – это ирония, резкий контраст между реальным и видимым. И еще большая ирония в том, что здесь под судом оказывается сама философия – любовь к истинной мудрости и искусство вопрошания видимостей для установления истины. Тьма судит свет.

4. Философия безыскусна.

*«Вы, афиняне, услышите от меня всю правду, но не красноречие, подобное тому, что показывают мои обвинители. Моя правда лишена красивых слов и не содержит украшений, совсем нет. Вы услышите сложенные как попало слова, что первыми пришли на ум. Но я верю, что справедливость в том, **что** я говорю».*

Оружие врагов Сократа – не правда, а уловки, риторические приемы. Что такое риторика, красноречие? Риторика – это искусство убеждения словами. В древних Афинах, где еще не было современных медиатехнологий, риторика была потрясающе сильным инструментом, так как давала власть над людьми, а не только над природой, и власть над умами, а не только телами. Так как риторика дает власть, она опасна. Если она служит правде – она добро, если лжи – то зло. Существуют честные пути убедить людей (апеллируя к объективным свидетельствам и логике) и бесчестные (апеллируя к чему-то еще – не к правде и добру, а, например, к страху, силе, предрассудкам, страстям, жадности, гордыне и т.д.).

Со Средних веков и до конца XX века во многих школах преподавалась риторика. Многие считали этот курс необходимым. Он считался не только полезным, но и почетным. Но сегодня само слово «риторика» означает

скорее злоупотребление искусством убеждения. Такое отношение начало появляться еще во времена Сократа. Сам Сократ противопоставляет риторике философию. Вместо риторики Сократ пользуется простой безыскусной речью, потому что она понятнее, а ясность – слуга истины.

Риторика и сегодня не исчезла и не стала слабее, она просто изменила свою форму. В прошлом она была главным образом устной – в речах политиков, религиозных лидеров, юристов. Сегодня ее самыми сильными сторонами являются не слова, а образы – телевидение и видео. В мире медиа слова подчинены картинке – слова используются только как подкрепляющая звуковая информация к картинке. В современных коммуникациях такой способ куда предпочтительнее, чем аргументы. Можете вспомнить последний логический аргумент, который вы видели в рекламе? Рекламные технологии сегодня распространены везде: товары продаются, потому что есть предложение, а не нужда в них. (Реклама – это действительно самая древняя профессия. Она началась еще в райском саду: *«Видишь плод этого дерева? Он необходим тебе! Съешь его! Стань как Бог!»*)

Доказать сегодня власть риторики (рекламы) очень просто: риторика контролирует деньги, а деньги контролируют власть. Если вы хотите найти эту невидимую вещь – власть, - отследите видимые потоки денег. И самый верный и быстрый способ стать богатым в нашем обществе – научиться врать людям о том, как они не могут прожить без вашего товара.

Сократ настолько никчемный продавец, что он не может продать даже правду о себе и своей собственной жизни. Он не «умен». Его речь без украшений. Он просто говорит правду, всю правду и ничего кроме правды.

(Если хотите более глубоко понять отличие риторики от философии, прочтите диалог Платона «Горгий»).

Очевидно, что Сократ уже старик, приближающийся к смерти. Приближение смерти имеет поразительную силу делать все ясным и простым. Риторика сразу теряет всю свою силу перед лицом смерти. Смерть – подруга истины. Доктор Джонсон говорит, что ничто так не прочищает сознание человека, как мысль, что завтра он должен быть казнен.

5. Философия – это совсем не то, что принято считать философией.

Представьте, что вас судят за воровство. Начнете ли вы свою защиту с попытки доказать, что вы не террорист, не торговец наркотиками и не сутенер?

Тогда почему же Сократ, обвиненный в двух преступлениях – в неверии в богов Афин и в развращении молодежи, начинает свою защиту с опровержения четырех преступлений, в которых его никто не обвинял?

Потому что он хороший психолог и знает, что именно эти «другие обвинения» или «старые обвинения», как он их называет, и заставляют его обвинителей добиваться его осуждения, хотя эти обвинения сейчас и не высказаны. Эти обвинения – несправедливые и непроверенные предрассудки в отношении Сократа. И он хочет их проверить. Ведь как он замечательно сказал, *«жизнь без поиска истины не стоит того, чтобы быть прожитой»*⁵.

Предрассудки всегда коренятся в знакомых стереотипах, и те четыре других обвинения или, как он их называет, «старые обвинения» против

5 "...ἐάντ' αὖ λέγω ὅτι καὶ τυγχάνει μέγιστον ἀγαθὸν ὃν ἀνθρώπῳ τοῦτο, ἐκάστης ἡμέρας περὶ ἀρετῆς τοὺς λόγους ποιεῖσθαι καὶ τῶν ἄλλων περὶ ὧν ὑμεῖς ἐμοῦ ἀκούετε διαλεγόμενον καὶ ἑμαυτὸν καὶ ἄλλους ἐξετάζοντος, ὁ δὲ ἀνεξέταστος βίος οὐ βιωτὸς ἀνθρώπῳ..." Платон. Апология Сократа. 38a.

"...ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека..." Перевод М.С.Соловьева. "... жизнь без испытания не живуца в человеке..." Перевод В.Н.Карпова. "...Life without enquiry is not worth living..." Перевод W.H.D.Rouse. «... жизнь без исследования ἀρετή (добродетели = блага, добра и его отличия от зла) не стоит того, чтобы быть прожитой человеком...». (Примечание переводчика).

Сократа относятся совсем к другой философии, к другим – более привычным и знакомым философам, к философам-«досократикам». Два из этих обвинений относятся к философам-космогонистам или философам-физикам (некоторые скажут, что они были примитивными учеными, хотя это сильное упрощение); два остальных относятся к софистам – новому течению философии, расцветшему в Афинах во времена жизни Сократа.

Существует множество параллелей между этими двумя группами философов в древних Афинах и двумя группами современных философов, называемых «модернистами» и «постмодернистами». Модернисты, подобно древним досократикам, описывающим устройство космоса, интересовались физическим устройством Вселенной, склонялись к материализму и верили в объективную истину и в то, что сила человеческого разума может ее постичь. Постмодернисты, особенно деконструктивисты, подобно древним софистам интересуются человеком, проблемами нравственности, а более всего – вопросами политической власти; они – скептики и субъективисты, считающие, что разум – это лишь маска для власти. (Нет ничего нового под солнцем. Греки изобрели буквально все школы философии, которые появились за следующие два тысячелетия).

Эти четыре старых обвинения, которые лишь показывают, что афиняне не поняли ни Сократа, ни философию (а под судом находятся оба), сводятся к следующему:

1. Он заумный, то есть «яйцеголовый хитроумный всезнайка». Сегодня мы называем таких «экспертами».

2. Он «*пребывает в облаках*», то есть он астролог, изучающий небо и рассматривающий звезды. (Многие древние считали, что звезды контролируют ход событий на земле).

3. Он *«исследовал, что там под землей»*, то есть был чем-то вроде алхимика или, по крайней мере, физиком, пытающимся раскрыть секреты физического мира, особенно те начала, из которых создан весь физический мир – «единое во многом» и причину движения.

4. Он *«делает слабые доводы сильными»*, то есть он подобен адвокатам или софистам. И это шутка лишь наполовину. Софисты, и правда, за большие деньги учили искусству убеждения, что позволяло выигрывать судебные процессы вне зависимости от того, насколько слаба или несправедлива твоя позиция. Софистов в Афинах ненавидели даже больше, чем адвокатов в Америке (в которой проживает 4% мирового населения и 75% всех адвокатов мира). *«Мы делаем слабые доводы сильными»* – это, наверное, был известный рекламный лозунг софистов.

Настоящий Сократ не подходил ни под одно из этих обвинений, так как он не относился ни к одной из этих групп философов. Его не интересовала физика философов-космогонистов или современных модернистов, и он не был ни скептиком, ни субъективистом, ни релятивистом, ни киником, который сводит истину к политической власти, подобно софистам или современным постмодернистам. Он не был ни экспертом, ни астрологом, ни алхимиком, ни адвокатом.

Но только эти категории философов и были знакомы афинянам, и Сократа приписали именно к ним. («Он один из них»). Эти стереотипы, как большинство стереотипов, не являются даже преувеличениями или упрощениями – они просто ложны. Сократ – совершенно новый тип философа, который не самонадеян, но и не сомневается, что человеческий разум предназначен искать истину (и в этом он схож с досократиками и несхож с софистами), но который, подобно софистам, интересуется только человеком, а не физикой, и интересуется в особенности этикой.

Сократ настолько новатор, что он обречен на неверное понимание. Ни один другой философ в истории не был менее обязан своим предшественникам. Пропасть между Сократом и его предшественниками намного шире, чем между любыми двумя его последователями. Порой кажется, что он вступил в «великую беседу» человечества откуда-то извне, словно с другой планеты, хотя он исконно грек, как Иисус был исконным иудеем.

Итак, если кто из философов и обречен на неверное понимание, то это Сократ. И Сократ – это сама сущность философии, это олицетворение философии. Таким образом, сама философия обречена на неверное понимание. В этом отношении Сократ для философии то же, что Иисус для религии.

(Между прочим, после смерти Сократа почти все школы античной философии называли себя истинными последователями и учениками Сократа, подобно тому, как любая христианская конфессии или ересь называет себя истинными учениками Христа).

6. Философия – это неуспех.

Сократ так и не сможет опровергнуть обвинений и будет приговорен к смерти. Даже Сократ – величайший в мире учитель – потерпел неудачу.

Так же и Иисус, с мирской точки зрения, не имел успеха. Так же и Будда. И Конфуций. Лишь немногие их современники смогли их понять и им поверить. Хотя их учения не были слишком сложными и не требовали особой подготовки, но были ясными и прямыми. Чтобы их понять, не требовалась научная степень. Напротив, научная степень требуется для того, чтобы не заметить самой сути этих учений.

Смерть Сократа показывает силу предрассудков. Сократ не смог защитить себя от 4 «старых обвинений», от 4 предрассудков. Они убьют его, и Сократ предвидит это.

«Да, многие и уже в течение многих лет жалуются вам на меня, но они еще не сказали ни слова правды. Их я и боюсь больше, чем Анита и его друзей, хотя и они тоже опасны. Но эти более опасны. Они знакомы вам с детства и успели убедить вас, ... пока вы еще были в том возрасте, когда это просто сделать, обвиняя сам принцип и не оставляя возможности защищаться. Невероятно, но невозможно даже назвать имена этих обвинителей. ... Невозможно ни вызвать их, ни опросить хотя бы одного из них. Обязанность защищаться против них подобна борьбе с тенью и задаванию вопросов без надежды получить ответы». (18 b-d)

Власть предрассудков – только во мраке. Это не просто невежество, но неведение собственного невежества. Предрассудки легко создавать риторикой и рекламой – образами, которые пренебрегают разумом; ведь все, что пренебрегает разумом, работает только в темноте. Даже чемпион мира по борьбе в супертяжелом весе проиграет противнику в суперлегком весе, если будет вынужден сражаться в темноте. Даже лучший в мире хирург будет не в состоянии провести операцию, если в операционной погаснет свет.

Сократ знает это. Даже величайший учитель в мире, чьи аргументы ясны и остры, как меч, не может сражаться с туманом. Он прекрасно справится со своей защитой, когда будет опрашивать своего обвинителя Мелета. (Афинское законодательство обязывало человека, выступившего с обвинениями, отвечать на вопросы обвиненной стороны, и даже выплатить тот штраф или понести то наказание, на котором он настаивал, в случае если он проиграет дело). Но Сократ не может защищаться ото всех и ни от кого. Предрассудок – это то, что все знают, но никто не отстаивает.

Философствовать – значит требовать света. Все мнения должны быть проверены. Терминам необходимо дать четкое определение, должны быть приведены разумные основания и учтены свидетельства опыта, все недоказанные предположения должны быть выявлены. Это не просто логика, это справедливость, законность и честность. Это также и научный метод, и метод философии. (То, что мы называем наукой, не выделялось из философии до времени Ньютона. Исторически многие науки выделились из философии, как дети, которые уехали из родительского дома и живут отдельно).

Каждая из наук успешна и популярна в той степени, в какой она дает практическое применение – технологию, дающую нам власть над материальным миром и удовлетворяющую наши материальные потребности. Но философия по самой своей природе непопулярна, так как не удовлетворяет наши материальные потребности, а ставит под вопрос и их, и нас самих, словно судья на процессе.

7. Философия бедна.

Сократ особо подчеркивает, что никогда не брал платы со своих учеников. (Не брал и Иисус). Это доказывает, что он не был софистом, торгующим своим разумом, как проститутка торгует своим телом.

Есть и еще одна причина того, что Сократ никогда не делал денег из философии – ему было нечем торговать. Он заявлял, что не обладает мудростью, а только ищет ее. Софисты подходили к богатым афинянам с настойчивой просьбой – «Наш разум полон всевозможных умных и красноречивых трюков, способных обмануть судей. А наши кошельки пусты. Ваш кошелек полон, а разум пуст. Давай совершим взаимовыгодный обмен. Смажьте наши руки Вашим серебром, а мы подмаслим Ваш разум своей

мудростью». Многие богатые афиняне платили софистам за обучение своих детей, не проверяя, за что же они платят. Вы можете заменить лишь одно слово в этом предложении – «афинян» на «американцев», и вы поймете, что, чем больше меняются вещи, тем больше они остаются неизменными.

Сократ предлагает нечто обратное тому, что предлагают софисты – очищать умы юношей, то есть, скорее, вычищать из них ложные идеи, чем вкладывать их. Какие идеи? Глупости, ошибки, фантазии, предрассудки. После беседы с Сократом у тебя остается не больше, а меньше мнений.

Для чего нам деньги? Деньги представляют материальные блага или услуги, которыми мы можем обмениваться. Например, мы платим 100 000 долларов за операцию на сердце, потому что наше здоровье стоит больше, чем две шикарных машины по 50 000 долларов. Но у мудрости нет цены, поскольку она не материальный товар.

Если делиться материальными благами, то их становится меньше. Денег, славы, власти становится меньше, если их с кем-нибудь разделить. Но мудрость, как и любовь только умножается при делении, поскольку она не материальное благо.

Многие люди считают своей конечной целью материальный достаток. Если кто-то вдруг станет счастливым, то друзья обычно спрашивают его: «Что случилось? Ты вдруг выиграл в лотерею?» Но деньги – это только средство обмена, а потому не могут быть конечной целью, смыслом, назначением, высшим благом человеческой жизни.

Если Вы когда-нибудь решитесь изучать философию, некоторые спросят: «А что с ней делать?». Ответ – «Ничего. Это она будет делать что-то со мной».

8. Философия вненаучна.

Философия не антинаучна, а просто ненаучна.

Тот тип философии, который создал Сократ, представляет собой науку в широком древнем смысле этого слова – структурированное знание, которое объясняет вещи через их причины. Но эта философия не соответствует современному смыслу слова «наука» - она не ограничивается «научным методом» или эмпирической верификацией (то есть подтверждением через наши ощущения в опыте), не ограничивается и исчисляемым, математически измеряемым, а ведь именно это и является критерием для «точных» наук.

Размышления философов досократиков (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит, Парменид, Пифагор, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит) были сосредоточены на физическом мире вокруг одного вопроса: «Что представляет собой «единое», стоящее за «многим»? Из чего всё сделано?» И ответы эти философы давали следующие: вода, «материя», воздух, огонь, «бытие», число, четыре элемента, «семена» и атомы.

Сократ, подобно софистам, просто не интересовался вопросами физической науки, его волновали только вопросы нравственности. Очевидно, что на нравственные вопросы (например, «Что такое справедливость?») невозможно ответить, применяя «научный метод», потому что нравственные качества не видимы (какого цвета справедливость?) и их невозможно посчитать (сколько весит справедливость?). Но это не значит, что эти вопросы не могут быть познаны.

9. Философии невозможно научить.

Так говорит (или это подразумевает) Сократ – величайший учитель философии. Он противопоставляет философов («любителей мудрости») софистам (так называемым «мудрецам»), заявляя, что софисты учат искусству жизни, но он сам не может обучить своему знанию:

«Каллий, - говорю, - если бы твои сыновья были жеребятами или телятами, мы бы точно знали, где найти и как оплатить специалиста, который бы позаботился, чтоб они выросли такими, как полагается; мы бы нашли конюха или крестьянина. Но раз они люди, кому их доверить? Кто является специалистом по этим достоинствам – человеческим или общественным? ... Я... бы сам научил этому, если бы знал. Но я не знаю».
(20а-с)

Если бы мудрости можно было научить, то мудрые люди, такие как Перикл, могли бы научить ей своих детей, и те стали бы мудрыми. Но Перикл не смог. (Не смог и Сократ).

Сократ обсуждает это и еще в одном диалоге – в «Меноне», доказывая, что добродетели невозможно обучить. Причем непосредственно перед этим Сократ доказывал, что добродетели обучить можно, так как она познаваема. Мы всегда стремимся достичь того, что является для нас благом. То есть, когда мы ищем зла, это происходит только потому, что мы считаем это благом для нас, мы считаем, что это сделает нас счастливыми. Если бы мы только знали, что счастье приносит только добродетель, мы бы всегда искали только добра и никогда не стремились бы ко злу.

Оба аргумента выглядят сильными, но они защищают совершенно противоположные выводы: о том, что добродетели возможно научить, и что ей обучить невозможно. Учение Сократа не дает нам ответа на это. Первые слова диалога «Менон» *«Можешь ли ты сказать мне, Сократ...?»* показывают, что главной темой диалога будет противопоставление обучения и говорения, противопоставление между, с одной стороны, сократовским методом обучения через задавание вопросов и провоцирования нас на то, чтобы мы задали себе великие, трудные вопросы, а с другой стороны – говорения, которым пользовались софисты, излагая ответы, которые, по их заявлениям, были им известны.

Сократ верит, что главные вопросы – это не вопросы о видимых фактах (например, в чем причина отливов и приливов), ответы на которые можно найти и которым можно обучить, но вопросы о ценностях (например, что такое справедливость и почему мы должны ей следовать). И хотя он и убежден в том, что ответы на вопросы о ценностях, то есть на нравственные вопросы, настолько же объективны и истинны, как и ответы на вопросы о видимых фактах, он не претендует на то, что уже знает их, но лишь помогает нам задать их самим себе и совершить путешествие внутрь себя.

Мы могли бы даже сказать, что, согласно Сократу, всему действительно достойному преподавания, невозможно обучить; а всё то, чему возможно обучить, вряд ли действительно стоит того, чтобы этому обучали. Философии – стремлению к мудрости – невозможно обучить. Её можно только показать, и показать может только любитель мудрости, подобный Сократу. И только сам процесс (любовь, стремление), а не его результат (мудрость), может быть повторен. Философии невозможно научить как, например, математике. Философией нужно заразиться, как, например, гриппом.

10. Философия нелепа.

Сократ допускает, что он обладает некоторым видом мудрости: **«вероятно, единственным видом мудрости, которым может обладать человек»**. Это та мудрость, которая знает свою глупость. Ведь только Бог обладает мудростью. Человек же ищет мудрости, любит ее, ищет ее расположения. Именно поэтому Сократ употребляет слово «философ» («любитель мудрости»), а не «софист» («мудрец»). Это проявление смирения, а не претензия чванства.

Доверие Богу и скромность всегда подразумевают друг друга. Также всегда подразумевают друг друга скептицизм по отношению к Богу и

гордыня. Ведь если Бога не существует, то человек – это высшее и мудрейшее существо. Если же Бог или боги существуют, то человеческая мудрость, если оценить ее с точки зрения этого высокого стандарта, становится сравнительно малозначимой. И хотя некоторые верующие могут быть преисполнены гордыни и высокомерия, смирение присуще самой логике религиозной веры. И какими бы скромными ни были некоторые неверующие, недостаток смирения присущ логике неверия.

Никто не видел этой связи между смирением (перед правдой) и верой (в Бога) более ясно, чем самый страстный атеист среди философов – Ницше. Если не существует ни Бога, ни вечного разума, то, заключал он, не существует и вечной правды. Правда – единственный Бог без лица. Ницше рискнул задать «самый опасный вопрос... почему правда? Почему не предпочесть неправду»? Действительно, почему? Достоевский также задавал этот опасный вопрос через некоторых своих персонажей (Иван Карамазов, Ставрогин, Раскольников): «Если Бога нет, то все позволено». Если эта связь увидена, мы можем либо погрузиться в пустыню тьмы, приняв эти «если, то», либо отвергнуть их и принять Бога, вечную правду и объективное благо.

Но не должен ли этот важнейший выбор иметь разумного обоснования? И как же мы можем дать разумное обоснование, когда именно разум и правда ставятся под вопрос?

Сократ никогда не добирался до этих ужасающих высот и глубин. Они очень современны и относятся к постхристианской эпохе. Сократа в этом отношении можно сравнить с девственником, христиан – с семейными людьми (в семье с Богом), а модернистов – с разведёнными. Он слишком молод для божественной мудрости, а модернисты слишком стары.

11. Философия отклоняется от «нормальности».

Парадоксально, но именно смирение приводит Сократа к беде. По обычным стандартам, он фантастически смиренен, просто нескромно смиренен и смиренно скромнен. И это безоговорочно оскорбляет остальной мир, показывая собственную гордыню и глупость.

Заявив, что у него нет достаточных знаний, чтобы быть учителем, он продолжает:

«Быть может, кто-нибудь из вас возразит: „Но, Сократ, в чем же состоит твое занятие? Откуда появились эти клеветы на тебя? Ведь, разумеется само собою, если бы ты не занимался ничем особенным, это и не повлекло бы за собою такой молвы, таких разговоров; значит, ты делал что-то такое, чего не делает большинство». (20с)

Философствовать – значит не признавать «нормальность», не быть удовлетворенным «нормальной мудростью», но искать высшей мудрости и... возможно, не находить. Но сам поиск уже ставит «нормальность» под вопрос.

12. Философия – хитроумная божественная шалость.

Самый запоминаемый отрывок в «Апологии» – это рассказ о дельфийском «божестве». Даже через тридцать лет после прочтения, если кто-то спрашивает Вас об этой книге, именно его Вы и вспомните.

Отрывок начинается с того, что Сократ для защиты от обвинений в безбожии призывает свидетеля с безупречной репутацией – он призывает в свидетели божество. *«То, о чем я вам расскажу, – это не мое слово. Я приведу слова того, чей авторитет бесспорен. В свидетели моей мудрости я призову божество из Дельф»* (20е). Не напрямую, конечно, но через цепочку свидетелей: мы, афиняне, слышим от Сократа то, что передал

ему брат его друга Херефонта, слышавший это от самого Херефонта, ныне покойного, который слышал это от жреца оракула, который слышал это от пифии, изрекающей слова, исходящие, по общему мнению, от самого божества (от Аполлона). Религия всегда предполагает веру в посредников, то есть веру не только в богов, но и в людей.

Когда Сократ говорит, что он *«говорит не свои слова, но слова того, чей авторитет бесспорен»*, трудно не заметить сходства с Иисусом, заявляющим, что говорит только то, что получил от Отца (Ин. 14:24). А когда Сократ обращается к цепочке свидетелей, это напоминает утверждение Церкви, что она через цепочку своих служителей сейчас говорит то, что получила от самого Иисуса (Лк. 10:16).

Можно представить тот день, когда Сократ впервые услышал эти тревожащие слова от своего друга Херефонта, возвратившегося из паломничества в Дельфы:

- Сократ, Сократ! Я смог задать вопрос божеству! Я ждал много дней и, наконец, мне удалось! Я беседовал с божеством!

- Тебе было позволено задать один вопрос, так?

- Верно.

- И о чем же ты спросил? В чем смысл жизни? Что будет со мной после смерти? Что есть истина? Почему моя любимая команда всегда проигрывает на Олимпийских играх?

- Нет, Сократ, я спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее Сократа.

- Что! Ты глупец! Какую же возможность ты упустил! На этот вопрос мог бы ответить и я. Тут тебе не нужно было вопрошать божество. Ты мог с таким же успехом спросить, является ли небо голубым.

- Не хочешь ли ты узнать, Сократ, что ответило мне божество?

- Нет.

- Верно. Таков и был ответ.

- Ты имеешь в виду...

- Именно. Дельфийское божество ответило, что в мире нет никого мудрее Сократа.

На этих словах, вероятно, Сократ уронил камень, который он обтесывал (он был каменотесом), и поранил себе палец на ноге. Он сам рассказывает нам, что тогда подумал: *«Что же божество имеет в виду? Что за загадку оно задает? Я же точно знаю, что не мудр ни в чем, ни в большом, ни в малом. Так что же божество имеет в виду, говоря, что я самый мудрый? Ведь не может же оно лгать? Не полагается это ему»* (21b). (Ведь это же божество).

Тут Сократ попадает в затруднительное положение. Его вера вступает в противоречие с его опытом, его разумом, его совестью. Многие бы на его месте просто потеряли бы веру или потеряли бы разум, совесть и способность понимать собственный опыт. Но Сократ, зная, что оракул часто говорит загадками, надеялся, что сможет сохранить и веру, и разум, если тщательнейшим образом исследует эту загадку. Его жизнь в итоге совершенно изменится. Из каменотеса он превратится в философа. В тот день и родилась философия. Все философы должны бы отмечать День Херефонта.

«Долго я не мог понять, как же исследовать слова божества. Потом я придумал способ – я начал беседовать с теми, кто считался мудрыми» (21b). Сократ надеялся найти мудрого человека, привести его к оракулу и потребовать объяснить загадку: *«Вот более мудрый человек, но ты утверждаешь, что я мудрее»*. Возможно, тогда божество и объяснит эту головоломку.

Но Сократ никогда никого не привел к оракулу, потому что не смог найти ни одного мудреца. Он нашел способ проверки человека на мудрость – искусство вопрошания. Это искусство и стало методом философии. Своей загадкой божество втянуло Сократа в свою шалость и сделало его первым философом. Вместо того, чтобы сразу прямо отрыть секрет, вместо того чтобы прямо сказать Сократу, что делать, божество применяет сократовский метод к самому Сократу. Загадка как зерно сеется в сознание человека и растет в нем, изменяя его самого. Хитроумнейшая божественная шалость.

Применив свой метод вопрошания, Сократ понял истинность половины божественной загадки: те, кто кажутся мудрыми, не являются таковыми. Позже он понял и вторую половину: он сам не был мудрым и знал это, это и есть мудрость.

«Когда я присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи афиняне, — так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь».

«Этот человек» оказался самым обычным человеком, а эта «малость» (ироничное слово) оказалась первым и абсолютно необходимым свойством мудрости, Уроком №1, без усвоения которого не может быть Урока №2.

Своей шалостью, своей загадкой божество оракула научило людей философствовать. Эта шалость предназначалась не только для Сократа. Через Сократа, своего пророка, божество требует от каждого начать философскую жизнь, начать поиски истины. И теперь все человечество делится на последователей Сократа и всех остальных; на тех, кто усвоил Урок №1, и тех, кто не усвоил; на мудрых, которые знают, что они глупы, и глупцов, считающих себя мудрыми.

Спустя 2036 лет зародилась современная философия, когда Рене Декарт опубликовал ставшее переломным «Рассуждение о методе» (по сути, призыв к философам подражать зарекомендовавшему себя очень успешным научному методу), где уже в первых предложениях утверждается мысль, **противоположная** сократовской. Декарт исходит из того, что все люди мудры и «доказывает» это утверждение тем фактом, что все люди **считают себя** мудрыми.

«Здравомыслие (мудрость) есть вещь, распределенная справедливее всего; каждый считает себя настолько им наделенным, что даже те, кого всего труднее удовлетворить в каком-либо другом отношении, обыкновенно не стремятся иметь здравого смысла больше, чем у них есть. При этом невероятно, чтобы все заблуждались. Это свидетельствует скорее о том, что способность правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения – что, собственно, и составляет, как принято выражаться, здравомыслие, или разум, – от природы одинакова у всех людей, а также о том, что различие наших мнений происходит не от того, что один разумнее других, а только от

того, что мы направляем наши мысли различными путями и рассматриваем не одни и те же вещи». (Декарт. Рассуждение о методе).

13. Философия – поборница равноправия.

Заявление о том, что философия является поборницей равноправия, кажется, противоречит выдающейся мудрости Сократа и его делению человечества на два класса: мудрых (знающих, что не обладают мудростью) и глупцов (уверенных, что обладают ею). Утверждать, что философия – поборница равноправия, это, как кажется, ближе к позиции Декарта.

Но сам Сократ понимал слова оракула о том, что нет никого мудрее Сократа, как приглашение всем людям усвоить Урок №1 и равноправно разделить мудрость Сократа.

«А на самом деле, о мужи, мудрым-то оказывается бог, и этим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем для примера, все равно как если бы он говорил, что из вас, о люди, мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость» (23ab).

Философия равноправна, поскольку является любовью к мудрости, начинающейся с Урока №1 – со смирения, со скромности. Мы все – люди, а не боги, и по божественным меркам *«человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит»*, хотя по человеческим меркам некоторые считают себя чрезвычайно мудрыми и значительно мудрее, чем остальные. С горы все люди выглядят мелкими, как муравьи. Если же смотреть с уровня улицы, некоторые выглядят выше, чем остальные.

14. Философия – божественное призвание.

Сократа обвиняют в безбожии. Он будет казнен, потому что афиняне решат, что он верит не в тех богов, которых они признают, а в других. Сократ, как это видно, действительно не верил в богов, признаваемых афинянами. Если бы это было не так, он мог спасти свою жизнь всего одной фразой: «Я верю в _____, как верят все афиняне», вставя на место пробела имя одного из признаваемых афинянами богов. Афины были своего рода религиозным «шведским столом»: каждый мог выбрать любого из богов и этого было достаточно для исповедания веры. Но Сократ, по совести, не мог этого сделать. И умный обвинитель легко мог это продемонстрировать судьям.

Причиной, по которой Сократ не верил в богов, признаваемых афинянами, была в его философствовании. Он ставил вопросы. Но высшая ирония суда в том, что та самая философия, воспринимавшаяся как метод агрессивных нападок и заставившая его врагов бояться, ненавидеть и убить его из боязни, что эта философия ведет к безбожию, сама является божественным призванием, божественным вызовом, божественным повелением. Каждый раз, когда в «Апологии» Сократ упоминает философию, он подчеркивает ее надмирное происхождение и связь с божеством. Философское исследование – это *«дело по указанию божества» (22a); «меня поставило само божество, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других» (28e); «выискиваю и допытываюсь по слову божества, не покажется ли мне кто-нибудь из граждан или чужеземцев мудрым, и, как только мне это не кажется, спешу поддержать божество и показываю этому человеку, что он не мудр» (23b); «через эту службу божеству пребываю я в крайней бедности» (23b); «Могу вас уверить, что так велит божество, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение*

божеству» (30a); «приставлен к городу как овод к лошади... В самом деле, мне кажется, что божество послало меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает» (30e); «А делать это, говорю я, поручено мне божеством и через прорицания, и в сновидениях, вообще всякими способами, какими когда-либо еще обнаруживалось божественное определение и поручалось человеку делать что-нибудь» (33c).

Схожая ирония видна и в истории Иисуса. Даже неверующие в Бога нехристиане почти всегда согласны, что он святой, но он был казнен за неверие и богохульство. Очевидно, небольшое благочестие безопасно и вызывает уважение, а благочестие серьезное и подлинное рискованно и часто губительно.

15. Философия – тяжкий труд.

Сократ называет свои философские странствования тяжким трудом (22a), уподобляя их двенадцати подвигам Геракла, супермена древности. Удивляет и то, что философ сравнивает себя с супергероем, и то, что философия называется тяжким трудом (подвигом).

А какой подвиг важнее: одним прыжком перепрыгивать высокие здания или серьезно и искренне размышлять над философскими вопросами? Кто больше герой – супермен или Сократ? Ответ зависит от того, что важнее – тело или душа.

Легка ли философия, подобно просмотру кино, или это тяжкий труд, подобный родам, зависит от того наблюдаете ли Вы за другими философами в их работе или сами занимаетесь философствованием (в диалоге с другими или с самим собой), от того, действительно ли Вы честно ищите истину или только делаете вид, от того, действительно ли Вы мыслите или только воображаете, что мыслите. Вы не поверите, как легко обмануть себя и

поверить в то, что Вы уже совершили что-то, в то время как Вы только представили себе, что совершили что-то. Ведь это «что-то» и есть размышление, но с ним очень легко перепутать фантазию о размышлении.

16. Философия противопоставляет себя общепринятой культуре.

Философия вопрошает и подвергает испытанию общества и культуры так же, как и человека. Она всегда является чем-то, стоящим выше, и ни игнорирует бездумно социальное и культурное изменения, ни пытается согласоваться с ними. Она подвергает вопрошанию исходные положения и ценности целых обществ или их частей, так же, как и отдельного человека.

В своей защитительной речи Сократ, согласно закону, должен ответить тому обществу, которое судит его. В отличие от своего самого известного ученика – Платона, который написал самую известную книгу по социальной и политической философии – «О государстве» – Сократ не занимался политикой, даже мысленно, всю жизнь предпочитая убеждать людей по одному. Но он здесь упоминает и социальное измерение своего философского вопрошания один на один, деля свои Геракловы «подвиги» диалога на три социальные группы. Начал он с вопрошания политиков, затем – поэтов и музыкантов, а затем – ремесленников. Почему он упоминает три эти группы?

Потому что они составляют из себя три наиболее значимых и уважаемых социальных группы в его обществе. Да и в нашем обществе тоже, ведь они соответствуют профессионалам государственного устройства (политики), искусства (поэты) и технологий (ремесленники). Это три фундаментальные категории того, что мы считаем достойным изучения и преподавания в колледжах и университетах (искусства и науки). Таким

образом, Сократ опрашивает свое общество в целом, но по порядку – в трех основных категориях.

И все эти три категории хотят осудить его. У него три обвинителя: Анит, Мелет и Ликон. Сократ говорит: «*От этого обрушились на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет, негодуя за поэтов, Анит — за ремесленников, а Ликон — за риторов*» (23e). (Ораторы, как и софисты, были либо поэтами, либо политиками, либо и тем, и другим одновременно, либо учились у поэтов, а учили политиков и состояли у них на службе.) Всё общество в целом, весь мир не смог понять Сократа и боится его. Весь мир одинаково виновен в его смерти.

И снова поразительное сходство с Христом. Обвинение против него, помещенное на кресте, было написано на еврейском, латыни и греческом. Это были три основных языка и культуры западного мира той эпохи, три культуры, которые дали нам почти всё, что мы ценим из нашего прошлого. Весь мир не смог понять Христа и боялся его (и его последователей, лучшие из которых веками становились мучениками). Весь мир виновен и в его смерти. Два величайших учителя мудрости в нашей культуре, два величайших героя, оказавших наиболее значимое влияние на нашу культуру, были объявлены противниками существующей культуры и ценностей.

Между прочим, Сократ никогда не говорил, что поэты, политики и ремесленники бесполезны или ничего не знают. Он указывал лишь на то, что они не понимают, что говорят – не обладают мудростью (22e). Ремесленники, как он обнаружил «*знают много хорошего*» и «*знают то, чего я не знал*» (22d), но, так как они не умели правильно обращаться со своим искусством, то «*считали себя самыми мудрыми и относительно прочего, самого важного*» (22d). Они не усвоили Урока №1.

Ни политика, ни искусство, ни наука, ни технология не могут сказать нам, чем мы являемся или чем должны быть, почему мы живем и почему

умираем, что есть добро, а что зло. Это вопросы более высокого уровня – философского, ищущего мудрости. Мудрость справедливо судит, ставит под вопрос и упрекает политику, искусства, науки и технологии. Успешен ли Наполеон как политик – это политический вопрос, а успешен ли он как человек – вопрос философский. Красива ли музыка Вагнера – вопрос к профессионалам искусства, а «Что такое красота?» – философский. «Имел ли место естественный отбор?» – вопрос научный, а «Что такое религиозный смысл?» – философский. Возможность клонирования человека – вопрос технологий, а нравственно ли оно – философский.

17. Философия неудобна.

Это становится очевидным после короткого разговора с Мелетом. А было бы тебе комфортно на месте Мелета, если бы ты был вынужден отвечать Сократу, словно на перекрестном допросе?

Философия говорит нам то же, что Сократ Мелету: «Мелет, встань передо мной и отвечай». Закон обязует Мелета отвечать, но истина обязует отвечать и нас. Честное философствование иногда выглядит как подглядывание в замочную скважину, когда ты видишь в ней глаз, смотрящий на тебя. Честная философия неудобна, потому что судит нас или заставляет нас судить самих себя. Сократ, олицетворяя собой философию, судит человека, который вызвал его на суд: *«Мелет говорит, что я преступаю закон, развращая молодых людей, а я, о мужи афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела»* (24c). Сократ заботится о душе, а Мелет – нет. Это очень

серьезная тема – забота о душе. Это требует мудрости. Это драгоценность, но неудобная.

Джон Стюарт Милль однажды сказал: «Лучше быть несчастным Сократом, чем счастливой свиньей». А ты как думаешь?

18. Философия добродетельна.

Подлинная философия, заявляет Сократ, сделает тебя лучше. Философия – ключ к добродетели.

Не знание философии, а философия – любовь к мудрости – сделает тебя хорошим. Очевидно, что просто знание, интеллект, ум, научная степень, высокий IQ не делают тебя хорошим: некоторые наиболее страшные злодеи в истории были и самыми умными. И всё же Сократ настаивает на том, что добродетель – это знание, а порок – незнание и что никто сознательно не совершает дурных поступков. Он учит этим парадоксальным утверждениям и в ряде других диалогов, и здесь, в своих перекрестных вопросах Мелету (25с-26в). О каком знании и незнании он говорит?

Это не знание фактов, но знание ценностей, понимание того, что поступать правильно – всегда выгодно для человека, что добродетель делает тебя счастливым, что «справедливость всегда более выгодна, чем несправедливость» (фундаментальный вывод, доказанный в диалоге «О государстве»). Если бы вор только знал, полностью бы понял, лично бы осознал, что ворованные деньги в кармане не сделают его счастливым, а добродетель сделает, потому что он – это его душа, а не карман, если он осознает это, он перестанет быть вором. Если бы он только знал (с полной уверенностью), что добродетель – это путь к счастью, он стал бы добродетельным, потому что все люди добиваются счастья. Те, кто не выбирает добро, думают, что порочность сделает их счастливыми. Эта мысль ошибочна и показывает нехватку знания – отсутствие мудрости. Эта мысль не

умеет ставить вопросы перед видимым. Если бы порочность не казалась забавной, мы все были бы святыми.

Редко Сократ настаивает на том, что он знает что-либо, может научить чему-либо и дать нам готовые ответы. Обычно он предлагает нам только вопросы и метод для **поиска** ответов.

Три ответа или три настоящих открытия, которые сделал Сократ, представляют собой парадоксы, противоречащие тому, что подсказывает нам здравый смысл:

1. Добродетель есть знание, зло - есть незнание (невежество). Никто сознательно (на разумных основаниях) не совершает зло (диалоги Платона «Апология Сократа», «Менон», «Протагор»).
2. Узнавание нового – это, на самом деле, припоминание (анамнесис) того, что мы уже знали, но забыли (диалоги «Менон», «Федон»).
3. Никакое зло не может произойти с хорошим человеком (диалоги «Апология Сократа», «О государстве»).

Вот как первый парадокс аргументируется в «Апологии Сократа», в перекрёстных вопросах Сократа Мелету:

«Что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? / .../ Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые — какого-нибудь добра?»

—Конечно.

—Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получать от ближних вред, чем пользу? /.../

—Конечно, нет.

—Ну вот. А привел ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?»

—Который портит намеренно.

—Как же это так, Мелет? /.../ я, такой старый, до того невежествен, что не знаю даже, что если я кого-нибудь из близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю, как ты утверждаешь! /.../ Но или я не порчу, или если порчу, то ненамеренно. /.../ Если же я порчу ненамеренно, то за такие невольные проступки не следует по закону приводить сюда, а следует, обратившись частным образом, учить и наставлять (это то, чему Сократ посвятил всю свою жизнь); потому, ясное дело, что, уразумевши, я перестану делать то, что делаю ненамеренно. Ты же меня избегал и не хотел научить, а привел меня сюда, куда по закону следует приводить тех, которые имеют нужду в наказании, а не в научении» (25с-26а).

Кажется, Сократ настаивает на том, что никто не нуждается в наказании, но лишь в научении, если все злые поступки являются следствием невежества. Верил ли он действительно в это утверждение или только провоцировал нас на опровержение его парадоксального учения, любопытно только историкам, которых больше заботит Сократ, уже мертвый, чем собственная душа. Но вопрос о том, правда ли это и почему, и какие следствия это несет для моей собственной жизни, интересует любого любителя мудрости.

Этот вопрос интересен и для общества. Ведь, если Сократ прав, тогда ответом на преступления должны быть школы, а не тюрьмы, школы, которые убеждают своих учеников, что дурные поступки никогда не приносят настоящей прибыли, что нанесение вреда чужому телу всегда вредит собственной душе. Такие школы заменяют внешних полицейских на полицейских внутренних, то есть пробуждают совесть.

Но, если Сократ не прав, тогда он не смог найти подлинный корень зла, и, таким образом, не смог и найти лекарства от него.

Но Сократ, конечно, прав, заставляя нас своим провокационным парадоксом размышлять над этими вопросами. Иисус шокировал нас Своей молитвой о распинающих его: "Отче! прости им, ибо НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ДЕЛАЮТ". Сократ же говорит это о каждом из нас».

19. Философия опасна.

У философии всегда есть враги, так же, как и у святости. У всех святых есть враги. Ведь, когда свет встречается с тьмой, когда добро встречается со злом, тут не может быть примирения, не может быть мира. И Сократ отмечает, что *«у многих явилось против меня сильное ожесточение»* (28а). Если ты не понимаешь, почему мудрый и добрый человек, подобный Сократу (или Христу) ненавидим многими, то ты не понимаешь Сократа, либо Христа, либо природу человека, либо самого себя. (Познать себя – намного сложнее, чем ты можешь себе представить!) Если тебя шокирует или удивляет, что философия или святость опасны, то ты не понимаешь философию, либо святость, либо природу человека, либо самого себя.

Сократ же понимал:

«Впрочем, о мужи афиняне, что я невиновен в том, в чем меня обвиняет Мелет, это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств, довольно будет и сказанного. А что у многих явилось против меня сильное ожесточение, о чем я и говорил вначале, это, будьте уверены, истинная правда. И если что погубит меня, так именно это; не Мелет и не Анит, а клевета и недоброжелательство многих — то, что погубило уже немало честных людей, думаю, что и еще погубит. Не думайте, что дело на мне остановится!» (28ав)

Сократ знал историю намного более короткую, чем та, что известна нам, но он гораздо лучше извлек из нее уроки. На самом деле, его пророческое предвидение гораздо точнее суждения задним числом многих людей спустя множество столетий.

Если мы думаем, что мы уже автоматически свободны от опасности невежественных предрассудков и тирании только лишь потому, что мы живем в демократическом обществе, то вспомним, что Сократа убила именно демократия. Демократия может быть невежественной и полной предрассудков (особенно модных и популярных) так же, как тирания или монархия. Нет никакой автоматической связи между числом правителей и мудростью с добродетелью, между количеством и качеством.

20. Философия проста.

«Но пожалуй, кто-нибудь скажет: не стыдно ли тебе, Сократ, заниматься таким делом, от которого, может быть, тебе придется теперь умереть? А на это я по справедливости могу возразить: нехорошо ты это говоришь, мой милый, будто человеку, который приносит хотя бы малую пользу, следует принимать в расчет смерть, а не думать всегда лишь о том, делает ли он дела справедливые или несправедливые, дела доброго человека или злого» (28в).

Философия – это любовь к мудрости, а мудрость не сложна, а проста. Это не значит, что она легка. Простота намного труднее сложности. Не часто можно встретить сердце, ищущее и любящее только одно - истину и добро (именно такое и было у Сократа). Это трудно. Но именно в этом заключается мудрость. А обладать сердцем, привязанным к множеству разных вещей, – это легко. Так может любое животное. Беспокоиться о сотне мелочей - легко, но это не делает нас счастливыми, или мудрыми, или хорошими.

По меркам здравого смысла, Сократ – не мудрец. Он прямолинейный, односторонний и стремится все упрощать. Да это же просто фанатик! У него одна страсть – безграничная и безмерная – страсть к добру и к истине. Но, по меркам Сократа, это мы не мудры, так как для нас намного значимее сравнительно неважные вопросы – например, выживем мы или умрем, чем действительно важный вопрос – творим мы добро или зло. Он бы согласился с Г.К.Честертоном, утверждавшим, что «жизнь и вправду чрезвычайно сложная штука для того, кто растерял свои принципы».

Я думаю, что большинство из нас двойственно относятся к этой односторонности Сократа. С одной стороны, мы относимся к этому с подозрением, или даже цинизмом. Мы уверены, что жизнь не может быть настолько простой. Сократу явно не хватает реализма и многомерности и знания нюансов. С другой стороны, мы признаем, что он – лучше нас. Мы восхищаемся им и, может быть, даже завидуем его единственной страсти – этой отличительной черте всех святых и мучеников. Так в каком же из этих двух отношений к Сократу мудрость?

(Удивительнейшим образом Сократ является для нас зеркалом! Определяя наше отношение к нему, мы лучше видим себя, вне зависимости от того, какой ответ мы дали на этот вопрос).

21. *Философия полемична.*

«Полемический» – это буквально означает «воинственный». Философия полемична не только потому, что любит спорить и вовлечена в словесные баталии, но, прежде всего, потому, что постоянно воюет против невежества, предрассудков, страстей, глупости, самообмана и других сил тьмы, как к тебе самом, когда ты философствуешь, так и в собеседнике, в обществе, в человечестве.

Сократ описывает философию, как воинскую повинность, наложенную на него богом. *«Меня поставил в строй (военный термин) сам бог, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других, /и не/ пугаться смерти или еще чего-нибудь и не бежать из строя»* (28ef). Философия – это джихад: арабское слово из Корана, означающее «внутреннюю борьбу» или «духовную войну против зла». Философия – это не война против человеческих тел, и ее оружие – не мечи и не пушки. Это война против сил, которые наносят ущерб человеческой душе (рассудку и воле), и ее оружие – это любовь к мудрости и «Сократический метод» логических перекрестных вопросов.

Философия – это не работа, это призвание. Она – не частный интерес, но добровольный призыв на военную службу.

22. Философия исцеляет.

Одно из главных применений психотерапии – избавить нас от страхов. Вероятно, величайший страх – страх смерти, ведь со смертью, как видится, мы теряем **всё**. Философия, в том виде, в каком Сократ проповедует и практикует ее, освобождает нас от страха смерти.

И одним из способов освобождения от страха смерти является парадокс о том, что *«никакое зло не может произойти с хорошим человеком ни при жизни, ни после смерти»*. Мы позже увидим, что именно Сократ подразумевает под этим, включая глубокое понимание того, чем же мы являемся, ответ на задачу «познать себя» скорее душой, чем телом, и осознание того, что действительно может, а что не может нам повредить. Но есть и другой способ, которым философствование может освободить нас от страха смерти – без понимания природы человека или смерти, но просто через усвоение Урока №1:

«Бояться смерти есть не что иное, как думать, что знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество — думать, что знаешь то, чего не знаешь?» (29ав)

Сократ делает целительный вывод из Урока №1 (что мудрость – это осознавать, что ты не обладаешь мудростью, а глупость – это уверенность, что ты обладаешь мудростью, которой у тебя нет): в нашем страхе смерти скрыто предположение, что смерть лишь вредит нам и не несет ничего хорошего. Но мы не знаем, верно ли это предположение, следовательно, это глупо, а вовсе не мудро, бояться смерти.

Конечно, мы относимся к подобным заключениям со скептицизмом. Но почему? Потому что страх смерти естественен и широко распространен. Но он не делает нас мудрыми. Эгоизм, лень и трусость тоже естественны и широко распространены, но они никак не связаны с мудростью.

Но мы можем возразить, что здесь Сократ и сам делает некоторое важное допущение – редкое, явно неестественное, противоречащее человеческое природе. Чтобы понять его, рассмотрим следующее доказательство. Сократ справедливо говорит, что мы не знаем, что будет после смерти. (Мы этого не **знаем**. Мы можем верить, либо надеяться, либо бояться чего-то – рая, ада, полного уничтожения, реинкарнации – но мы **не знаем**). Из этого факта мы делаем заключение, что нам не следует бояться смерти. Допущение, содержащееся в этом доказательстве, состоит в том, что нам не следует бояться неизвестного. Но можно возразить, что это как раз то, почему мы боимся смерти – это «великое неизвестное». Это естественно бояться неизвестного.

Но мудро ли это? Сократ скорее любит неизвестное, чем боится его. Это практически определение хорошего ученика, его сущность. Детям, которых в детстве наказывали за исследование неизвестного, позже будет сложнее довериться своей любознательности – они предпочтут безопасность известного, подобно тому, как испуганные кролики боятся выходить из своих удобных нор. Дети же, которых поощряли задавать вопросы и исследовать неизвестное, вознаграждены за это – из них получаются лучшие студенты, они делают множество открытий и счастливы этим. Неизвестное для них – не яд, а пища.

Это так. Но доказательство Сократа забывает о том, что смерть – это не просто неизвестное, а **смерть**. Мы знаем, что жизнь – это благо, а смерть – это утрата известного нам блага, независимо от того, будет там что-нибудь после смерти или нет. Страх известной утраты известного блага не кажется глупым.

23. Философия традиционна

Конечно, Сократ – бунтарь, инакомыслящий. Именно поэтому его и казнят. Так почему же я говорю, что философия верна традиции?

Да потому что единственная причина того, что Сократ не разделяет мировоззрения своих обвинителей – верность богу. Он не подчиняется воле афинян только потому, что покорен воле бога. Он ищет не личной независимости или собственной воли к власти. Он – философ, человек, многом не приятный, но лишь из покорного благочестия.

«Даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть, — так вот, говорю я, если бы вы меня отпустили на этом

условию, то я бы вам сказал: «Желать вам всякого добра — я желаю, о мужи афиняне, и люблю вас, а слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать» (29cd).

Обратите внимание, что эти слова почти совпадают со словами апостолов – то же неподчинение авторитету общества оправдывается, перед лицом смерти, необходимостью повиновения Богу: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян., 5, 29).

Принято считать, что верующие являются консерваторами, в то время как атеисты и скептики рассматриваются как передовые сторонники прогресса, но всё как раз наоборот. Те, кто верит в высшие ценности, могут отрицать принятые в обществе стандарты. Те же, кто видят в общественных нормах единственный источник закона и блага, практически обожествляют общество, и именно в этом корень консерватизма и приверженности традициям.

Все ценности, разделяемые человеком, можно разбить на три типа, и, когда два из них противоречат друг другу, одному нужно следовать, а другой нужно нарушать. Вот эти три типа:

1. Ценности, которые выше человека
2. Ценности, созданные человеком
3. Ценности, которые ниже человека.

Первый тип ценностей выше по важности и по полномочиям, чем человеческие или общественные, и исходит от Бога, либо богов, либо, по крайней мере, чего-то, обладающего атрибутами божества – бессмертием, совершенством и несомненной реальностью.

Второй тип – это общественные ценности, то есть ценности, создаваемые обществом, демократическим или нет. Эти ценности создаются

по человеческой воле, либо по согласию большинства, либо по желанию одного или нескольких.

Третий тип определяется природными силами, которые ниже, чем воля человека, например, страхом, животными инстинктами, взрывом чувств и т.д., то есть тем, что ниже разума.

Философия по Сократу по своей природе ищет первого типа ценностей, потому что философия – это любовь к мудрости, а мудрость, подобно правде, благу и даже красоте, это идеал, который оценивает нас, а не человеческое установление, которое оцениваем мы. Мы хотим жить в соответствии с мудростью и хотим изменять свою жизнь, чтобы ей соответствовать, а не наоборот – менять мудрость, чтобы она соответствовала нашей жизни.

Именно это позволяет философу не следовать традиции, судить ее, восставать против двух других типов ценностей – общественных и животных. Сократ именно такой философ.

24. Философия приводит в замешательство.

Поскольку философия ищет мудрости и судит нас в соответствии с высшими ценностями, она приводит нас в замешательство, подобно тому, как сильный свет смущает нас, выявляя бородавки и прыщи, скрытые под слоем косметики. Она говорит нам то, что Сократ говорил афинянам, и продолжает говорить ему и нам, даже после его смерти:

«О лучший из мужей, гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботишься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, не заботишься и не помышляешь? И если кто из вас станет возражать и утверждать, что он об этом

заботится, то я не оставлю его и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, пытаться, опровергать и, если мне покажется, что в нем нет доблести, а он только говорит, что есть, буду попрекать его за то, что он самое дорогое ценит ни во что, а плохое ценит дороже всего. Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, ... Могу вас уверить, что так велит бог» (29d-30a).

Когда свет заставляет вас стыдиться, вы хотите убрать его. Поэтому афиняне и убили Сократа, и мы делаем это с великими мудрецами от Иисуса до Ганди.

Но можем ли мы убить Сократа, живущего внутри нас?

25. Философия неуязвима

Это и делает философию неуязвимой! Это и является самым шокирующим из всех странных и шокирующих заявлений, которые Сократ делает в своей Апологии. Он знает, что его слова покажутся странными, поэтому он предваряет их фразой, которую повторяет четыре раза – свою просьбу выслушать его заявление и не относиться к нему с пренебрежением: *«Не шумите, мужи афиняне, исполните мою просьбу — не шуметь по поводу того, что я говорю, а слушать; слушать вам будет полезно, как я думаю. Я намерен сказать вам и еще кое-что, от чего вы, наверное, пожелаете кричать, только вы никоим образом этого не делайте» (30c).*

Какое же заявление вызывает такое неприятие и так возмущает слушателей? Это, во-первых, один из парадоксов Сократа, который кажется очевидно ложным, во-вторых, это именно то, что *«слушать вам будет полезно»* - очень практическое, важное и меняющее жизнь утверждение, и, в-третьих, это то немногое, в чем Сократ совершенно уверен. Следующие его слова – *«Будьте уверены»*. Эти слова ему очень непросто произнести,

особенно сразу после того, как его претензия на мудрость сводится к тому, что он **не знает** того, что другие считают, что знают. (С другой стороны, его мудрость в том, что он **знает** то, чего и другие не знают).

Это утверждение настолько важно, что он повторяет его в заключении своей речи как последний подарок миру от идущего на смерть, и здесь снова (41c) он заявляет, что в этом *«не может быть никакого сомнения»*, что он в этом совершенно уверен. Это просто возмутительный парадокс. Что же это?

Последний параграф Апологии формулирует это как общий закон: *«С человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти»*. В словах ранее Сократ показывает, как этот закон действует в жизни одного человека – его самого – в конкретной ситуации – перед лицом смертного приговора: *«Будьте уверены, что если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне. Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита, да они и не могут мне повредить, потому что я думаю, что вечный закон не позволяет худшему вредить лучшему»* (30 cd).

В древнегреческом языке было два слова для выражения понятия «закон». Одно из них – «номос» – означает закон, устанавливаемый людьми, как «Не совершай государственной измены, иначе, мы убьём тебя, если поймал». Такие законы могут нарушаться и нарушаются, поскольку являются выражением власти одних людей над другими. Второе слово для закона – это «тхемитос», обозначающий вечный закон, закон, лежащий в самой природе вещей, который невозможно нарушить, как $2+3=5$ или $E=m$.

И Сократ зазывает закон о том, что худшему не позволено вредить лучшему, вечным законом (тхемитос).

Но он, Сократ, невинная жертва Анита, Мелета и Ликона, лучше их. А они – обвинители – худшие. Сократ как раз и находится в ситуации, когда худшие вредят лучшему, и при этом заявляет, что вечный закон такого не

допускает! На главный мировой вопрос, который так мучал умы мудрых людей, на вопрос о проблеме зла, вопрос о том, почему зло случается с хорошими людьми, Сократ отвечает: «С хорошими людьми такого не бывает». Этот ответ кажется столь высокомерным, столь наивным, столь оскорбительным, что мы осознаем, почему Сократ призывал слушателей не шуметь, а выслушать его («*Не шумите...*»). Но понимаем ли мы, почему он в это верит?

Сократ сам дает нам подсказку в следующих словах: «*Разумеется, он может убить, изгнать из отечества, отнять все права. Но ведь это он или еще кто-нибудь считает все подобное за великое зло, а я не считаю; гораздо же скорее считаю я злом именно то, что он теперь делает, замышляя несправедливо осудить человека на смерть*» (30d).

Очевидно, что зло Сократ понимает совсем не так, как его обвинители. Он понимает его как то, что делаем мы сами, а они – как то, что мы претерпеваем. Он имеет в виду грех, а они – боль. Он имеет в виду духовное зло, а они – зло физическое.

Но различие не только в понимании слов. Это различие в понимании себя, в понимании своей сущности. Объяснение парадокса Сократа очень простое (некоторым покажется даже примитивным): Сократ решил загадку оракула «Познай самого себя». Он понял себя. И разгадка кроется в неразрывной связи познания самого себя и закона, что никакое зло не может приключиться с хорошим человеком. Сущность человека это не его тело, а его душа.

Греческое слово, которое мы переводим как душа (психе), для большинства современников Сократа означала «призрак», «привидение». В этом смысле это слово употребляли и Гомер и Гесиод. Когда воин умирает, его сжигают, но его призрак живет в подземном мире, в мрачном царстве

мертвых. Призрак человека (психе) это примерно то же, что воспоминание о картинке шоу, которое сохраняется у вас в памяти после того, как вы выключили телевизор, в сравнении с живым представлением. Современники Сократа полагали, что сущностью человека он считает просто призрака.

Но Сократ вкладывал в старое слово радикально новый смысл (подобно тому, как авторы Нового Завета четыре столетия спустя будут использовать старое греческое слово «агапэ» - любовь). Для Сократа ваша нефизическая сущность, то ваше «я», которое мыслит и выбирает, реальнее, весомее, тверже и, конечно, намного более долговечно, чем ваше тело. На самом деле, эта сущность бессмертна. Сократ был первым, кто использовал слово «душа» в современном смысле. Хотя, точнее было бы сказать, мы до сих пор не поняли того смысла, который вкладывал Сократ. Мы еще понимаем это слово как **до** Сократа, во всяком случае в спонтанном восприятии. Ведь мы представляем душу как нечто газообразное, подобное привидению или разреженному призрачному туману. (Это тот образ, который часто используется в фильмах и телевизионных программах, – когда кто-либо умирает, его призрачная «душа» отделяется от тела). Если бы Сократ искал какой-то конкретный образ для души, то этот образ не был бы чем-то эфемерным и туманным, но чем-то твердым и тяжелым, подобным железному бруску. Душа неуязвима для зла извне, из физического мира. Невозможно убить душу. Единственное зло, которое может повредить душе, это духовное зло, но это, что человек может сделать с собой только сам. Никто и ничто снаружи не может сделать меня глупым или порочным, только я сам могу это сделать. Ты можешь повредить мое тело, но только я сам могу навредить свое душе. (Сравните с Евангелием от Матфея 15:10-20).

Мудрый человек знает себя, знает, что главное в нем — это душа. С другой стороны, мы можем вполне справедливо покритиковать его за игнорирование глубокого «психосоматического единства» души и тела,

духовного смысла тела (является ли наше тело лишь машиной?), и того факта, что мы можем нанести вред душе другого через его тело, соблазняя его на зло или препятствуя в выборе добра, причиняя физическую боль. Сократ открыл глубочайшую и ценнейшую истину, но не стоит ожидать, что он сразу откроет и почти противоположную истину или, по крайней мере, ее ограничения и нюансы.

С другой стороны, мы можем просто не видеть того, что видит Сократ. Мы можем свести душу к призраку, разум – к мозгу, размышление – к вычислению, любовь – к похоти, нравственность – к нравам, красоту – к приятному возбуждению, а затем, когда мы говорим, что плохой человек может навредить хорошему, мы полагаем, что опровергли Сократа и доказали все безрассудство его «мудрости». Если мы материалисты такого рода, то мы просто глупцы, не уяснившие до сих пор, кем же мы являемся. (Первая же критика Сократа, по контрасту, принимала это его главное открытие, но делала важные дополнения к его пониманию сути человека).

Несмотря на все оговорки и ограничения, нам стоит добавить, что ключевое утверждение Сократа дает силы для убеждения и вдохновения, для радикального изменения мыслей и самих жизней, для коренного изменения.

26. Философия раздражает.

Сократ использует очень нелестное сравнение философа с жалящим насекомым (слепнем, оводом). Без сомнения, лошадь отреагирует на укусы овода попыткой стряхнуть его.

«В самом деле, если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и

нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. ... Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита, и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне» (30e-31a).

Когда будильник звенит по утрам, вы испытываете к нему теплые благодарные чувства? Когда вы спите и укус слепня будит вас, улыбаетесь ли вы и говорите «спасибо, это то, что мне было нужно»?

Если вы никого не раздражаете, то вы не философ.

27. Философия духовна.

Древнегреческое слово «пневма» означает дух, но также и дыхание, и воздух. (В древнееврейском тоже есть слово с обоими этими значениями – «руах»). Не все философы имеют опыт подобного «одухотворения» (дословно «воз-дыхания»), о котором Сократ говорит в своей Апологии, но все могут надеяться на подобное. (Это то, чего я не видел ни в одной вводной книге по философии).

Кто или что такое этот «Дух»? Это остается загадкой для читателей Апологии, и, похоже, это тайна и для самого Сократа. Но этот Дух реален, а не воображаем. Это кажется ясным. Ведь маркером реального является действие: действуют и вызывают последствия реальные предметы. Они меняют вещи, в то время как наше воображение, разум или речь не способны на это – они лишь следствия (воображения, размышления или говорения), но не причины изменений. Мы сами являемся их причиной. А то «нечто божественное и духовное», о котором говорит Сократ, воздействует на самого Сократа. Это совершенно ясно, хотя и удивительно. Но еще более

удивительно, когда мы замечаем нечто похожее в наших собственных мыслях, когда мы философствуем.

Посмотрим сначала на опыт Сократа, а затем на наш собственный.

Он заявляет, что не решается подавать советы государству.

«Может в таком случае показаться странным, что я подаю эти советы частным образом, обходя всех и во все вмешиваясь, а выступать всенародно в вашем собрании и давать советы городу не решаюсь. Причина этому та самая, о которой вы часто и повсюду от меня слышали, а именно что мне бывает какое-то чудесное божественное знамение; ведь над этим и Мелет посмеялся в своей жалобе. Началось у меня это с детства: вдруг — какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и не допускает меня заниматься государственными делами. И кажется, прекрасно делает, что не допускает. Будьте уверены, о мужи афиняне, что если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб и не принес бы пользы ни себе, ни вам» (31 с-е).

Позднее на этом суде после того, как Сократ уже произнес свою неуступчивую речь, в которой не было извинений, и судьи вынесли смертный приговор, он снова упоминает о «чем-то божественном и духовном».

«В самом деле, в течение всего прошлого времени обычный для меня вещей голос слышался мне постоянно и останавливал меня в самых неважных случаях, когда я намеревался сделать что-нибудь не так; а вот теперь, как вы сами видите, со мною случилось то, что может показаться величайшим из зол, по крайней мере так принято думать; тем не менее божественное знамение не остановило меня ни утром,

когда я выходил из дому, ни в то время, когда я входил в суд, ни во время всей речи, что бы я ни хотел сказать. Ведь прежде-то, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня среди слова, а теперь во всем этом деле ни разу оно не удержало меня от какого-нибудь поступка, от какого-нибудь слова. Как же мне это понимать? А вот я вам скажу: похоже, в самом деле, что все это произошло к моему благу, и быть этого не может, чтобы мы правильно понимали дело, полагая, что смерть есть зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство, потому что быть этого не может, чтобы не остановило меня обычное знамение, если бы то, что я намерен был сделать, не было благом» (40 а-с).

Соблазнительно соотнести этот «дух», «вещий голос», о котором говорит Сократ, с чем-то нам знакомым. Свести неизвестное к известному — значит уничтожить чудо, уничтожить изумление. Но философия и начинается с изумления (Платон. Теэтет. 155d).

Знакомым нам явлением, с которым нам соблазнительно соотнести голоса Сократа, является шизофрения, но лишь в том случае, если мы совершенно не знакомы ни с шизофренией, ни с Сократом, ни с огромной разницей между ними.

Были ли эти голоса его совестью? Возможно, Сократ обладал очень развитой совестью. Многие верят, что совесть — это глас Божий, божественный пророк, присутствующий в каждой душе. (Это может объяснить, почему даже моральные релятивисты, моральные субъективисты и моральные скептики не одобряют умышленного неподчинения человека голосу своей совести. Даже релятивисты и атеисты считают, что совесть имеет абсолютную божественную власть). И совесть действительно практически «говорит» с нами свои «голосом».

Но это не так. Дух Сократа не мог быть совестью. Во-первых, совесть есть у всех людей, а голоса Сократа выделяют его среди всех. Во-вторых,

совесть как предостерегает нас от некоторых поступков, так и подталкивает к поступкам, но дух Сократа только запрещает какие-то действия и никогда не говорит, что нужно сделать. В-третьих, совесть хорошего человека говорит по многу раз в день, а дух, похоже, говорит только в особых случаях. В-четвертых, совесть есть нравственное основание, нравственная пронизательность, нравственное понимание; но здесь дух не дает никакого понимания. В-пятых, совесть, как человеческое качество, может ошибаться; совесть нужно вопрошать, проверять и тренировать, особенно если ты Сократ, задающий всем вопросы. Но Сократ слепо подчиняется своему духу – без сомнений и вопросов – совершенно нехарактерное для него поведение. В-шестых, и в самых важных, совесть внутри нас, она говорит из нас. Но дух находит на Сократа извне.

Только два варианта удовлетворяют всем этим условиям. Если Вы язычник, то можно поверить, что это бог, скорее всего Аполлон, бог оракула. Если Вы иудей, мусульманин или христианин, можно поверить, что это Дух Божий, который христиане называют Святым Духом. (Это может быть также ангел, посредник между Богом и человеком). Почему Он не мог говорить с Сократом? Почему мы готовы ограничивать действия Бога?

Но какое отношение это богословское рассуждение имеет к философии и к нам?

Просто предположение, дающее надежду, что нам удастся найти ответ, – а знаем ли мы, откуда к нам приходят мысли?

Вы все уже философствовали, кем бы вы ни были, ведь поиск истины внутренне присущ человеческой природе. Мы часто говорим – «мысль пришла мне на ум». Намного проще понять, откуда берутся обычные мысли – из нашего сознания и воли. Но откуда приходят самые мудрые озарения? Чем глубже мысль, тем загадочнее ее источник. Как много на самом деле мы

знаем о невидимом духовном источнике того великого «Нила», который мы называем мыслью, который омывает весь «Египет» нашей жизни? Если Вы не атеист, то Вы должны считать это по крайней мере возможным, а скорее даже наиболее вероятным, что необычная, но явная связь Сократа с чем-то божественным и духовным, как и Ваша подобная связь – это реально, а не эгоистичный самообман, в случае если это не Бог, а сам человек.

Вероятно, невозможно доказать, что это так. Какое же отношение это имеет к философу? Он мог бы быть более чутким и открытым, в молчании прислушиваясь к этому источнику и развивая способность к восприятию. И он, скорее как человек, чем как философ, может захотеть поблагодарить неизвестного бога Сократа за этот ценнейший, но анонимный дар. Все мудрецы в истории высоко ценили благодарность. Даже Мартин Хайдеггер, который был агностиком (некоторые даже считают его атеистом), отмечал единство в немецком языке слов *denken* (думать) и *danken* (благодарить).

28. Философия аполитична.

Под этим я не имею в виду, что философы безразличны к политике или не делают политических заключений, или не создают политической философии. Я имею в виду, что философия не происходит от политики, ее источники куда глубже, чем политика, философия не является инструментом политики.

Поскольку философия не служит политике и поскольку политика часто завистлива и тиранична, философы часто расходятся с политическими силами, иногда фатально, как Сократ. Он это знал:

«Нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы стал откровенно противиться вам или какому-нибудь другому большинству и хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и

беззаконий, которые совершаются в государстве. Нет, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен» (31e – 32a).

29. Философии возможно обучиться.

Сократ, величайший учитель в мире, говорит:

«Да я и не был никогда ничьим учителем, а если кто, молодой или старый, желал меня слушать и видеть, как я делаю свое дело, то я никому никогда не препятствовал. И не то чтобы я, получая деньги, вел беседы, а не получая, не вел, но одинаково как богатому, так и бедному позволяю я меня спрашивать, а если кто хочет, то и отвечать мне и слушать то, что я говорю. И за то, хороши ли эти люди или дурны, я по справедливости не могу отвечать» (33 ab).

Поскольку философ — это любитель мудрости, он всегда ученик. В сократовском понимании философии учитель и ученик меняются местами: учитель задает вопросы ученику, который и должен теперь учить. Ведь если мы задаем вопрос, то предполагаем, что тот, кого мы спрашиваем, знает ответ. Любой опытный учитель скажет Вам, что больше научился, будучи учителем, а не учеником.

Учитель не может вложить мысли у головы учеников так же, как родители вкладывают пищу в рот младенцу. Для обучения требуется очень многое – способность восприятия истины и любовь к истине. Древние называли это способностью к обучению. Это не пассивность. Это противоположно пассивности. Пассивные умы не способны учиться. Учиться может только активный ум.

30. Философия – это дело божественного посланника.

«Комплекс мессии» максимально далёк от смирения и готовности учиться, которые мы ассоциируем с сократовским пониманием философии. Что же это означает?

Та философия, которая воплощается в Сократе, являет собой исполнение спутанных, но пророческих обещаний и ожиданий ранних греческих мифов и религиозных представлений. Послушайте, что говорит Сократ об источнике того нового, что он совершает и что приведет его к мученической смерти по обвинению в атеизме: *«А делать это, говорю я, поручено мне богом и через прорицания, и в сновидениях, вообще всякими способами, какими когда-либо еще обнаруживалось божественное определение и поручалось человеку делать что-нибудь»* (33с). (Прочтите это еще раз внимательно, не спеша).

Сократ здесь претендует на то, что он Мессия для своего народа. И эта заявка не о нем самом, а о философии. И это заявление удивительно смелое: все подлинные отношения с божеством достигают здесь кульминации. Здесь исполняются все мифологии и частные предсказания. Связь с божеством дается через Сократа. В устах любого другого человека это означало бы высокомерную гордыню и абсурдный эгоизм. Но это сочетание личного смирения с громадностью притязания. Единственное сопоставление даже еще более сильного притязания и еще более сильного самоуничтожения (и тоже до мученической смерти) – это Иисус, который был Мессией своего народа, Христом, тем, которого обещали все пророки.

И оба притязания – Сократа в философии и Иисуса в религии – хотя они и исходят от определенных людей в определенных культурах, являются притязаниями на абсолютную истину для всего человечества и всех культур.

И никакие другие индивидуальные претензии, кроме этих двух, не были так широко восприняты и не воздействовали так на все человечество –

это исторический факт. Если бы не было Сократа или Иисуса, история была бы совсем иной – ни один фантаст не смог бы представить себе, что стало бы с человечеством.

31. Философия благочестива.

Перед тем, как суд голосует за обвинение в неверии в богов государства, Сократ заявляет, что почитает богов больше, чем обвинители (35d). Что он имеет в виду и какое отношение это имеет к природе философии?

Сократ здесь не расшаркивается перед обвинителями. Его вера в богов действительно сильнее в двух отношениях.

Во-первых, бог, в которого верит Сократ, всегда один бог – в единственном, а не множественном числе («го теос»); этот бог никогда не называем, никогда не идентифицируется как один из богов города (государства). Этот бог более великий, более сильный, более достоин почитания, более того – достоин абсолютного почитания. Вопрос именно в том, существует или не существует этот бог. И это вопрос скорее психологический, чем богословский. Бог Сократа – это бог, в которого можно верить гораздо более глубоко, чем в богов города. Ведь никто в Афинах никогда не принимал мученическую смерть за Афину, Аполлона или Зевса.

Вера Сократа в бога, отвечающего через оракула, была столь велика, что он изменил свою жизнь из-за его ответа. Он стал философом, потому что поверил в то, что сказал оракул – «Нет никого в мире мудрее Сократа» - хотя он и не мог понять, что же означают эти слова. Он посвятил свою жизнь этому новому смелому занятию в попытке разобраться, развивая искусство «сократического метода» философствования, а затем и пожертвовал своей жизнью, потому что это занятие философствования (которое он всегда

называл «божественной задачей», «заданием от бога») оскорбило почитателей богов государства. Да, действительно, он верит в бога так, как ни один из его обвинителей.

Во-вторых, вера Сократа сильнее, потому что она философская и стремится знать. Эта вера почитает истину как верховного бога и всецело любит этого бога, не считаясь с ценой. Даже атеист может быть благочестивыми и религиозными в этом смысле, если он любит истину и пытается в своей жизни следовать за ней, если он является атеистом потому, что верит, что атеизм — это истина.

Сократ был атеистом или, по крайней мере, агностиком в отношении к богам государства, но он веровал в гораздо более глубоком смысле, чем те верующие, которые осудили его. Они верили в своих богов, потому что всё общество верило в них, потому что те соответствовали существующей культуре, потому что верить в них было выгодно. Они не задавали вопросов о своей вере, но задавали вопросы Сократу, который вопрошал об их вере. Их больше интересовал Сократ, чем истина. Сократа же больше интересовала истина, а не его обвинители, их боги или его собственная жизнь.

Вот сократовское понимание сути философии – преданность истине превыше всего, истина и есть Бог. Поэтому философия благочестива. Даже для атеиста.

Если Сократ прав относительно Бога, то не вполне честный перед собой верующий в Бога заслуживает большего времени в Чистилище, чем полностью честный перед собой атеист, потому что тот еще не выпущен из божьего детского сада.

32. Философия не практична.

Сократ так описывает жизнь философа (свою жизнь):

«...не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе ..., стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своем раньше, чем о себе самом, — как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее» (36 bc).

«Философия не выпекает хлеба», гласит поговорка киников. На это Сократ мог бы ответить словами другого мудреца, которого также искушали предпочтением «практических вещей», таких как хлеб, перед мудростью: «Не хлебом единым жив человек». Этот человек также произнес и самое практичное из всех высказываний: «Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Это имеет в виду и Сократ: наиболее практичное для человека – не сводить свои цели к чисто прагматическим.

Существует любопытная шуточная игрушка – маленькая черная коробочка с кнопкой включения. Если нажать на эту кнопку, то раздается жужжание, включаются разноцветные огоньки, открывается крышка, из нее высовывается рука, снова нажимает на кнопку и выключает себя – рука ныряет обратно, а коробочка закрывается. Каждая часть этой коробочки предельно практична, у каждой есть своя цель. Батарейка посылает по проводам энергию, которая передается на механизм и т.д. Но эта игрушка совершенно бессмысленна и бесполезна. Именно поэтому она вызывает столько смеха.

И наша жизнь в чем-то подобна этой игрушке. Если жизнь наполнена только практическими вещами, которые служат другим вещам, но не тем

вещам, которым можно служить ради них же самих – то есть истине, благу и красоте – то такая жизнь вызывает уже не смех, а жалость.

Философия, поиск истины, требует более высокой жизни, чем эта. Цель жизни, та конечная цель, для которой все практические дела являются лишь средством, не может быть практическим делом, средством для более отдаленной цели. Какова же эта цель – вопрос философский. Это непрактичный вопрос, но важнейший из всех.

33. Философия делает счастливым.

«Тот, кто одержал победу в Олимпии, ... старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми» (36d). Философия вопрошает видимости для поиска истины, включая и истинное счастье.

Поиск истины ценен сам по себе и делает нас счастливыми, потому что это именно то, ради чего мы существуем, это то, что удовлетворяет нашу глубочайшую человеческую потребность. Истина для души — это то же, что пища для тела.

Но кажется, что Сократ не делает людей счастливыми. Он вызывает у них гнев и гнев настолько сильный, что они убивают его. Но порой путь к подлинному счастью проходит через видимые несчастья. Если мы не философствуем, не вопрошаем видимое, если мы удовлетворены тем, что заставляет нас чувствовать себя счастливыми, мы никогда не узнаем ни того, до какой степени мы обманываемся в том, кем мы являемся на самом деле, ни того, какой уровень является подлинным счастьем.

34. Философия необходима.

Философия не похожа на рыбалку, рисование или пробежку – это не что-то, что просто хорошо для некоторых. Она необходима, и она относится ко всем и каждому. Быть человеком – значит философствовать. Если же мы не философствуем – то это тоже наша философия, но ложная. С того момента, когда Ромео делает предложение Джульетте, она уже не невинна, вне зависимости от того, ответила она «Да» или «Нет». Поскольку мы разумны, философия уже сделала нам предложение, и мы больше не невинны, как животные.

В двух предложениях Сократ дает три причины, почему необходимо философствовать: это предписание от бога, это величайшее благо, *summit bonum*, и потому жизнь без нее недостойна того, чтобы быть прожитой человеком.

«Но, пожалуй, кто-нибудь скажет: „Покинув нас, Сократ, разве ты не будешь в состоянии жить в молчаливом спокойствии“? Вот тут-то всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле: если я скажу, что это значит не повиноваться богу и что вследствие этого невозможно мне оставаться спокойным, вы не поверите мне и подумаете, будто я лицемерю. Если, с другой стороны, я скажу, что величайшее благо для человека заключается в том, чтобы каждодневно вести беседы о добродетели и обо всем прочем, о чем, вы слышали, я беседую, исследуя самого себя и других, жизнь же без такого исследования не стоит и называть жизнью,— если я вам это скажу, вы поверите мне еще менее» (37e-38a).

Хотя первая названная Сократом причина, кажется, касается его одного, она относится ко всем без исключения, как и две оставшихся. Ведь 1. бог, которому подчинялся Сократ, очевидно не был одним из богов,

почитавшихся афинянами, но единым Богом всех людей, включая и тебя, читатель. 2. И намерение этого Бога совершенно понятно – поместить Сократа в его городе как овода, а затем распространить эту здоровую «инфекцию» философии от первого «инфицированного» Сократа по всему миру. Именно поэтому Сократ не может спокойно философствовать в одиночестве, но должен сделать из себя бич – он миссионер (хотя его религия и состоит в основном из вопросов, из расспрашивания).

35. Философия бросает вызов смерти.

«Это вопрос жизни и смерти!» Такие слова сразу нас пробуждают. Но философия вопрошает даже их. Она не приемлет того подхода, который применим почти ко всему в жизни – подхода с точки зрения господства смерти, суда смерти. Вместо этого, она сама судит смерть с позиции более высоких ценностей. С точки зрения мудрости, «вопрос о добре и зле» оказывается намного важнее вопроса жизни или смерти.

Сократ мог бы сохранить себе жизнь, если бы признал свою вину (что было бы ложью), заплакал и умолял бы своих обвинителей. Но смерть тела – это не величайшее зло, как и жизнь тела не является величайшим благом. Поэтому он говорит:

«Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее — уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, достигнут тем, что идет тише, а мои

обвинители, люди сильные и проворные, — тем, что идет проворнее, — нравственную порчей. И вот я, осужденный вами, уйду на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они — при своем» (38e-39b).

Обратите внимание на этот контраст: судьи Сократа – несправедливые смертные; их же судья – бессмертная истина. С точки зрения этих людей, они привлекли к суду философию, признали ее негодной и уничтожили. Но с точки зрения философии воплощенной в Сократе они совершили это по отношению к самим себе, к своей подлинной сущности, к своим душам. Кажется, что это они судят Сократа, но это лишь внешняя видимость. В подлинной реальности это Сократ их судит, оставаясь тем, кто он есть.

Подобную ироничную перестановку можно увидеть и в суде над Иисусом. Его судья – Пилат – демонстрирует ту же философию, что и обвинители Сократа, своим пренебрежительным вопросом: «Что есть истина?» Пилат считал, что это он судит истину, на самом же деле это истина судила его.

Когда человек отказывается честно философствовать, то есть искать мудрость (истину о добре и зле), и отворачивает свое лицо от света истины, он вступает в собственную тень, во мрак. Истина никогда не бывает под судом – бываем мы.

Философия отрицает смерть, потому что она дружит с истиной, а истина сильнее смерти. Это становится очевидным для нас, когда мы приближаемся к смерти:

«Вам, осудившим меня, я хочу сделать предсказание о том, что произойдет вслед затем. Ведь я уже нахожусь в таком положении, когда люди в особенности дают предсказания—это, когда они должны умереть. Я говорю вам, тем, которые убили меня, что возмездие на вас придет

немедленно же после моей смерти, возмездие — клянусь Зевсом — гораздо более тяжелое, чем моя смерть, которой вы убиваете меня. Теперь вы сделали это, рассчитывая избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни. Случится же с вами, я утверждаю, совершенно противоположное. Больше у вас будет избалованных из числа тех, которых я теперь сдерживал, которых вы не замечали» (39 с).

Когда человека приближается к смерти, он приближается к вечности; поэтому иногда он получает дар пророчества; ведь будущее может быть понято только с точки зрения вечности. Пророчество Сократа оказалось верным – как в Афинах сразу после смерти Сократа, так и по всему миру во все остальные времена, где бы ни жило имя Сократа.

Как сказал Сократ в «Федоне», философия есть репетиция или тренировка смерти, поскольку философия ищет вечной истины. Философия подобна реке, неустанно движущейся, пока она не достигнет бесконечного моря. Так почему же философ будет бояться смерти? Философ ищет истину, а смерть приближает к истине.

36. Философия может ошибаться.

Философия человеческа, а не божественна. И поэтому она может ошибаться. Она ищет мудрости, а значит, еще ею не обладает. Истина божественна, а любовь к ней – свойство человека.

Таким образом, мы можем ожидать ошибок даже от Сократа. И, кажется, он допускает большую ошибку, говоря в заключении (40d-41a) что нам не стоит бояться смерти. Вот его рассуждение:

«Умереть, говоря по правде, значит одно из двух: или перестать быть чем бы то ни было, так что умерший не испытывает никакого ощущения от чего бы то ни было, или же это есть для души какой-то переход, переселение ее отсюда в другое место, если верить тому, что об

этом говорят. И если бы это было отсутствием всякого ощущения, все равно что сон, когда спят так, что даже ничего не видят во сне, то смерть была бы удивительным приобретением. ... С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и если правду говорят, будто бы там все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого ... ? В самом деле, если прибудешь в Аид (царство мертвых), освободившись вот от этих так называемых судей, и найдешь там судей настоящих ... — разве это будет плохое переселение?» (40c-41a).

В этом рассуждении два слабых места. Во-первых, никто не предпочтет сон и бессознательное состояние бодрствованию, если он не погружен в невзгоды. Если вторая вероятность, допускаемая Сократом (смерть есть переселение в иное место в сознательном состоянии), есть благо, то первая вероятность (утрата этого блага вечным лишением сознательного состояния) не является благом, не является «*удивительным приобретением*».

Во-вторых, второе предположение Сократа (смерть есть переселение) изначально подразумевает, что жизнь после смерти будет и справедливой (ведь там судьи справедливы), и счастливой (ведь там все прежде умершие). Но он никак не обосновывает эту надежду. Существуют и другие вероятности, которые он не рассматривает: что жизнь после смерти горестна, потому что судьи там не справедливы, не добры, либо не располагают властью. Либо жизнь после смерти горестна для нас именно потому, что судьи справедливы, и мы получим то наказание, которого заслужили, но избежали в этой жизни. Либо мы неспособны наслаждаться божественным благом, подобно как блохи не могут наслаждаться солнцем и морем.

Другими словами, после смерти нас ждет либо распад, либо рай, либо ад, либо чистилище. Сократ идеализирует распад и игнорирует ад и чистилище, хотя они в каком-то виде подразумевались в мифах его культуры.

Сократ удивился бы тому, что мы удивляемся его способности ошибаться. Если и есть урок, который нам необходимо извлечь, он в том, что нужно вопрошать и проверять любую мысль, включая и эту. Он согласился бы с правилом апостола Павла – «Всё испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фесс., 5:21). Как мы можем быть уверены, что делаем второе, то тех пор, пока не сделали первое?

37. Философия бессмертна.

Философия существует не только для этой жизни. Если существует жизнь после смерти, и мы окажемся там, то и там мы будем философами. Рай для Сократа – это *«проводить время в том, чтобы испытывать и исследовать тамошних людей так же, как здешних»* (41 b). Одно из преимуществ философа перед солдатом, или экономистом, или адвокатом, или врачом в том, что философ не потеряет работу даже после смерти. Глупо было бы верить в рай, в котором есть солдаты (а значит, и войны), экономисты (а значит, и бедность), адвокаты (а значит, и несправедливость) или врачи (а значит, и болезни). Но философы, художники и музыканты уже сейчас творят небесное.

Даже смерть не изменит Сократа. Он в чем-то уже божественен. Для греков первый признак божества – бессмертие. И даже хотя Сократ будет на небесах пристально вглядываться в вечную истину, он, в то же время, может упражняться в делах милосердия точно так же, как он это делал в земной жизни, помогая другим приблизиться к истине через свои вопросы.

Тебе может казаться, что его вопросы не подходят для жизни в раю, но это больше говорит о тебе, чем о рае. Это раскрывает твое понимание философии скорее как боли, чем удовольствия – понимание его обвинителей, а не друзей. Если так, то рай Сократа и твое чистилище могут

оказаться одним и тем же местом до тех пор, пока ты не научишься любить то, что достойно любви и не станешь наслаждаться этим.

Почему бы не начать прямо сейчас?

38. Философии можно доверять.

Существует два вида доверия. Один – надежда, второй – уверенность.

У Сократа первый вид доверия по отношению к смерти. Он рискнул променять жизнь на смерть, потому что надеялся, что после смерти его ждет благо, а не зло, что в посмертной жизни судьи справедливы, а он снова сможет задавать свои вопросы людям. Но он называет это надеждой, а не уверенностью. Но в том же предложении он раскрывает нам, в чем мы можем быть абсолютно уверены:

«Не может быть никакого сомнения, что ... тамошние люди блаженнее здешних ... , если верно то, что об этом говорят. Но и вам, о мужи судьи, не следует ожидать ничего дурного от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти» (41cd).

Прежде, чем уйти в смерть, Сократ оставляет нам величайший дар, который вселяет в нас ту уверенность, которой он обладал перед лицом смерти. И эту уверенность дает нам вовсе не тот слабый аргумент (утверждение 36). Это более, чем надежда. Эта необходимая истина («уж если что принимать за верное, так это то...»). Что же это?

Как уже говорилось (утверждение 25), если ты познал себя, то ты знаешь не только **что** есть истина, но и **почему** это является истиной, почему истинно то, что «с хорошим человеком не бывает ничего дурного». Связующее звено между познанием себя и «с хорошим человеком не бывает ничего дурного» — это душа. Твоя подлинная сущность — это душа. И

зло в нашей душе, так же как благо в душе, никогда не случается с нами. Они исходят от нас, а не происходят с нами. Это наш выбор, а не случай.

Слово «случаться» происходит от слова «случай». Это же слово лежит в основе «случайности». И мы полагаем, что счастье – это случай, случаность... что счастье случается с нами.

Если мы будем любить мудрость, то сможем достичь сократовского уровня самопознания и понять, что подлинное счастье не может случиться с нами, что мы сами ответственны за него, что его причиной (как и причиной всех других вещей) является добродетель.

39. Философия причиняет боль.

Сократ высказывает последнюю просьбу о своих детях: *«я обращаюсь ... с такою просьбою: моих сыновей, когда они вырастут, накажите, если найдете, что они заботятся о деньгах или о чем-другом больше, чем о добродетели»* (41e).

Философия – это целительная боль. Пока мы не достигли Рая, нам нужна эта боль, это наше чистилище. Когда свет истинной философии встречает тьму нашего невежества и порока, происходит противоборство и возникает боль. Столкновение величайшего света и величайшей тьмы дает Крест.

И это лучшее место для нас и самый лучший собеседник.

40. Философия не обладает конечным знанием.

Это может казаться странным, но нам часто необходимо напоминать себе, что мы не Бог.

И поэтому наши изыскания мы должны закончить на той же точке, с которой Сократ начал – «я не знаю». Вот его последние слова на суде: *«Но*

вот уже и время уходить, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить. А кто из нас идет на лучшее дело, известно одному богу».

Последние слова столь же значимы, сколь и первые. Сократ оставляет последнее слово за Богом.

Эти слова не только благочестивы, но и по-настоящему философски. Если мы не софисты («обладающие мудростью»), а философы («любящие мудрость»), если мы не обладаем мудростью, но любим и всеми силами ищем ее, то предоставление последнего слова Богу показывает, что Сократ по-настоящему познал себя. Он тот, кто знает, чего он не знает. Подлинным знанием обладает только Бог. А глупцом оказывается софист, который не знает, чего он не знает.

Это Урок №1 философии. Если философия его не усвоила, она не сможет взлететь.

Комментарий об отсутствии историко-культурных комментариев.

Как нам узнать, насколько исторически верна «Апология Сократа»? Передает ли она истинные слова Сократа? Или это слова Платона?

О ответу заключительными словами Сократа: *«Это известно одному богу».*

Я сознательно исключил обычные историко-культурные комментарии и «объяснения» Апологии, потому что они почти всегда скорее мешают, чем помогают, скорее сокращают, чем увеличивают наше понимание. Они скорее используются для поверхностного объяснения; для того, чтобы «видеть насквозь», вместо того, чтобы видеть; для того, чтобы скорее отделить себя от Сократа и философии, как хранитель музея показывает свои запертые, пронумерованные и мертвые экспонаты, а не живого Сократа и его

философию. Мы хотели смотреть на Сократа не сверху, а снизу, чтобы понять его.

Сегодня большинство историй философии пишется с позиции модного ироничного культурного релятивизма. Попытка подлинной встречи с Сократом (или, хотя бы с его призраком), попытка увидеть в нем нашего современника, чьи слова и дела столь же уместны и ценны сегодня, как и в Афинах в 399 году до Рождества Христова, попытка встречи с этим политически некорректным, мертвым, европейским, гетеросексуальным, религиозным мужчиной, который может приблизиться к нам через столетия и вопрошать наше понимание истины и добродетели, которые вечны и абсолютны, не подвержены старению и не зависят от времени и культуры – эта попытка куда более захватывает, куда более учит, и куда более содействует подлинному изучению нами философии, чем наиболее полное погружение в историю и культуру сократовского времени.

Я исключил даже мелкие технические и исторические детали того, как был устроен суд в Афинах или как греко-персидские войны и войны Афин против Спарты повлияли на афинян, понимая, что это сделает некоторые аспекты Апологии непонятными для новичков. Но уже само понимание непонятности, странности, тайны, ощущение, что в мире существует гораздо больше, чем мы можем себе представить в нашей мысли («Есть многое на свете, друг Горацио что и не снилось нашим мудрецам») – очень ценно и чрезвычайно редко. Оно очень ценно, потому что с ним ученик понимает, что он лишь муха, исследующая слона; а без него ученик считает себя лишь компьютером, обрабатывающим информацию. Оно редко, потому что гуманитарные науки сегодня почти полностью в руках софистов – культурных релятивистов политически корректных деконструктивистов, редукционистов, детерминистов, скептиков и иронизирующих нигилистов. И, пожалуйста, не простите меня давать здесь определения всем этим интеллектуальным

непристойностям. Есть что-то вдвойне непристойное в определении непристойностей. Давайте просто оставим здесь возмутительно безответственные имена этих непристойностей.

Но мы всё же «объясним» Апологию иным способом – через самого Сократа. Платон написал также диалог о разговоре, который Сократ вел за несколько часов до суда, на своем пути на суд, с молодым человеком по имени Евтифрон о религиозном благочестии. И еще один диалог о разговоре, который Сократ вел в тюрьме перед смертью со своими учениками о жизни после смерти и бессмертии души. Фрагменты этих двух диалогов (Евтифрон и Федон), наиболее ярко показывающих учение и дела Сократа, помещаются здесь как контекст Апологии, как ее историко-культурное окружение. В Евтифроне показано, почему Сократа ненавидели и казнили, а в Федоне показано, как он умирал. В Апологии об этом упоминается, а в тех двух диалогах – показывается.

II. Фрагменты из диалога Евтифрон: философия поясняется примером.

Этот диалог (точнее, его начало) приведен здесь, чтобы показать читателю три вещи:

1. Сократа в действии: как и почему он оскорблял людей, не желая этого
2. Метод действия Сократа, природу его логики и «перекрестного допроса», и в особенности поиск определения сущности понятия
3. Введение в этот вопрос – это суть взаимоотношения между философией и религией, разумом и верой – центральный вопрос каждой исторической эпохи, включая его собственную

«Евтифрон. Что это за новость, Сократ? Оставив свои беседы в Ликее, ты теперь проводишь время здесь, у царского портика? Нет ли и у тебя какой-нибудь жалобы к царю, как у меня?»

Сократ. Но афиняне, Евтифрон, называют это не жалобой, а иском.

«Евтифрон. Что ты говоришь? Кто-то вчинил тебе иск? Ведь не могу же я поверить, что, наоборот, ты сам обвиняешь кого-то.

Сократ. Конечно, нет.

Евтифрон. Значит, кто-то другой обвиняет тебя?»

Сократ. Вот именно.

Евтифрон. Кто же это?»

Сократ. Я и сам, Евтифрон, не очень-то знаю этого человека: мне представляется, он из молодых и мало известных; зовут же его, как мне кажется, Мелетом, а родом он из дема Питфа. Можешь ты вообразить себе такого питфейца Мелета – длинноволосого и жидкобородого да к тому же еще и курносого?»

«Евтифрон. Нет, мой Сократ, такого я не припомню. Но какой же он вчинил тебе иск?»

Сократ. Какой иск? Да, на мой взгляд, нешуточный. Ведь это не пустяк – в молодые годы распознать подобное дело. Ему-де известно, говорит он, почему развращаются молодые люди и кто именно их развращает. Выходит, что он-де мудрец, а я, как он усмотрел, невежда и развращаю его сверстников, потому-то он и выступает перед городом-матерью с обвинением против меня. Мне мнится, что среди всех государственных мужей он единственный действует правильно: в самом деле, ведь правильно прежде всего проявить заботу о молодых людях, чтобы они были как можно лучше, как хорошему земледельцу подобает

прежде всего позаботиться о молодых побегах, а уж после обо всем остальном. Подобным же образом и Мелет, возможно, сначала хочет выполоть нас, зиз-за которых гибнут ростки юности так он говорит, – а уж затем, как это ясно, он позаботится и о старших и учинит для города множество величайших благ: по крайней мере так обычно бывает с теми, кто выступает с подобными начинаниями.

Евтифрон. Хотел бы я, Сократ, чтобы было так. Однако боюсь, как бы не вышло прямо противоположного: ведь мне решительно кажется, что, замышляя неправо дело против тебя, он начинает разрушать свой дом с очага. Но скажи мне, каким образом, утверждает он, развращаешь ты юношей?

Сократ. Странные вещи делаю я, если его послушать, мой милый. Он утверждает, что я творю богов. И обвинение его состоит в том, что я ввожу новых богов, старых же не почитаю, как он говорит.

Евтифрон. Понятно, Сократ: ведь ты сам утверждаешь, что тебе часто является твой гений. Значит, он строит свое обвинение на твоих предполагаемых нововведениях в божественных вопросах и выступает в суде с клеветой, хорошо понимая, что подобные вещи легко становятся предосудительными в глазах большинства. Ведь и надо мною потешаются, как над безумцем, когда я предсказываю в народном собрании что-либо относительно божественных предначертаний. И хотя все мои предсказания были правдивыми, все же людям, подобным мне, всегда завидуют; однако надо не обращать на завистников никакого внимания и смело идти против них.

Сократ. Милый Евтифрон, то, что они высмеивают меня, это пустяк. Афинян, как мне кажется, не слишком задевает, если кто-либо считается сильным в философии, лишь бы он был не способен передать

свою мудрость другим. «Но вот когда они думают, что кто-то делает и других подобными себе, они приходят в ярость – либо из зависти, либо по какой-то иной причине.

Евтифрон. Тут-то мне мало дела до того, как они ко мне относятся.

Сократ. Быть может, они полагают, что ты воздерживаешься от поучений и не желаешь передавать свою мудрость другим. Что до меня, то боюсь, они считают, будто я по человеколюбию щедро рассыпаю перед всеми свое достояние, не только не требуя вознаграждения, но вдобавок и от души приплачивая за то только, чтобы меня пожелали слушать. Если бы, я повторяю, они собирались надо мной посмеяться, как, по твоим словам, они смеются над тобою, то ничего не было бы тягостного в том, чтобы провести время в суде за шутками и смехом; но коли они начинают дело всерьез, то совсем не ясно, чем это может кончиться, – разве только это видно вам, прорицателям.

Евтифрон. Скорее всего, мой Сократ, это ничем серьезным не кончится, и ты успешно выиграешь свою тяжбу, как и я, полагаю, свою.

Сократ. А у тебя, Евтифрон, тоже какая-то тяжба? И ты выступаешь в ней ответчиком или истцом?

Евтифрон. Истцом.

Сократ. Против кого?

Евтифрон. Против такого человека, что и здесь могу показаться безумцем.

Сократ. Каким же образом? Может быть, ты гонишься за тем, кто неуловим?

Евтифрон. Куда уж там быть неуловимым такому старцу!

Сократ. Кто же это такой?

Евтифрон. Мой отец.

Сократ. Твой отец, почтеннейший?

Евтифрон. Вот именно.

Сократ. В чем же состоит жалоба и из-за чего идет тяжба?

Евтифрон. Из-за убийства, Сократ.

Сократ. Клянусь Гераклом! Разумеется, Евтифрон, большинству здесь неведомо, прав ты или не прав. Не думаю, чтобы первому встречному было по плечу правильно решить это дело, разве только тому, кто достиг высокой степени мудрости.

Евтифрон. Да, клянусь Зевсом, тому, кто достиг.

Сократ. Без сомнения, умерший по вине твоего отца кто-либо из домашних? Это ведь ясно. Ведь не стал бы ты привлекать отца к судебной ответственности из-за чужого?

Евтифрон. Смехотворно, Сократ, если ты думаешь, будто есть разница, из домашних ли убитый или чужой, и не считаешь, что надо заботиться лишь о том, по праву ли умертвил его убивший или же нет, и если по праву, то отпустить его с миром, а если нет, то преследовать по суду, будь даже убийца твоим домочадцем и сотрапезником. Ведь ты подвергаешься осквернению не меньше, чем он, если будешь общаться с таким человеком, зная о его провинности, и не очистишь себя самого и его, обратившись в суд. Впрочем, убитый был из моих поденщиков; когда мы обрабатывали землю на Наксосу, он там у нас работал. Напившись пьяным, он рассердился на одного из наших рабов и зарезал его. Отец мой, связав его по рукам и ногам, бросил в какой-то ров и послал сюда человека, дабы узнать у экзегета, что делать дальше. Тем временем он не обращает на связанного никакого внимания и не проявляет о нем никакой заботы: дескать, это убийца, и ничего не случится, если он умрет. А он-то возьми и умри. От голода и холода и оттого, что был связан, умер он

раньше, чем вернулся вестник от экзегета. Вот за это-то и гневается мой отец и другие домашние, что из-за убийцы я обвиняю в убийстве отца, который и не убивал-то вовсе, а если бы и убил, то, поскольку убитый сам убил человека, о нем не стоит и беспокоиться: мол, нечестиво со стороны сына преследовать по суду своего отца за убийство. А ведь они просто плохо знают божественный закон, касающийся благочестия и нечестия.

«Сократ. Скажи ради Зевса, Евтифрон, ты-то себя считаешь настолько точно осведомленным в божественных законах и в вопросах благочестия и нечестия, что не страшишься – даже если все было так, как ты говоришь, – сам совершить нечестивое дело, преследуя отца по суду?»

Евтифрон. Мало было бы от меня пользы, Сократ, и ничем не отличался бы Евтифрон от большинства людей, если бы я не был точно осведомлен о подобных вещах.

«Сократ. Пожалуй, уважаемый Евтифрон, для меня самое лучшее – стать твоим учеником и прежде, чем состоится моя тяжба с Мелетом, возбудить против него ходатайство со своей стороны, заявив, что я и раньше высоко ценил познание божественных законов, теперь же, когда он обвиняет меня в том, что я погрешаю против этих законов, самовольничая и вводя различные новшества, я стал твоим учеником. "И вот, – сказал бы я, – если ты, Мелет, признаешь Евтифрона мудрым в этих вопросах, то считай и меня человеком правильно мыслящим и не преследуй меня по суду; если же нет, то прежде, чем мне, вчини иск ему, моему наставнику, за то, что он губит стариков, меня и своего отца, тем, что меня обучает, а его – проучает и наказывает". И если он мне не поверит и не освободит меня от обвинения или не вчинит иск вместо

меня тебе, я смогу в суде выставить то же ходатайство, с которым я выступил перед ним.

«Евтифрон. Клянусь Зевсом, Сократ, если только он попробует вчинить мне иск, то я уж отыщу, я думаю, его слабое место, и скорее всего дело в суде пойдет у нас о нем, чем обо мне.

Сократ. Вот и я, дорогой мой друг, понимая это, жажду стать твоим учеником, ибо знаю, что ни этот Мелет, ни кто-либо другой тебя вроде бы и не замечают, меня же он разглядел так легко и ясно, что даже обвинил в нечестии. Поведай же мне, ради Зевса, то, относительно чего ты сейчас настойчиво утверждал, будто доподлинно это знаешь, а именно в чем заключается благочестие и нечестие как в отношении убийства, так и во всем остальном? Разве же в любом деле благочестивое не тождественно самому себе, и, с другой стороны, разве нечестивое не противоположно всему благочестивому, самому же себе подобно, и разве не имеет оно некоей единственной идеи, выражающей нечестие для всего, что по необходимости бывает нечестивым?

Евтифрон. Само собой разумеется, Сократ.

Сократ. Так скажи же, что именно ты называешь благочестивым и нечестивым?

Евтифрон. Я утверждаю: благочестиво то, что я сейчас делаю, а именно благочестиво преследовать по суду преступника, совершившего убийство, либо ограбившего храм, либо учинившего еще какое-нибудь подобное нарушение, будь этим преступником отец, мать или кто бы то ни было другой; не преследовать же по суду в таких случаях – нечестиво. Смотри же, Сократ, сколь сильное доказательство я приведу тебе в пользу того, что закон именно таков (я говорил об этом уже и другим). Правильно было бы не поощрять преступника, кем бы он ни

был: ведь признают же сами люди Зевса наилучшим и справедливейшим из богов, а в то же время все они верят, что он заключил в оковы собственного отца за то, что он преступно пожирал своих сыновей, а тот в свою очередь оскотил своего отца за подобные же деяния. А на меня они негодуют за то, что я преследую по суду своего преступного отца, и таким образом противоречат сами себе в вопросе о богах и обо мне.

Сократ. Так значит, Евтифрон, именно потому я выступаю ответчиком, что, когда рассказывают нечто подобное о богах, меня это раздражает? Вот поэтому, видно, найдутся такие, которые скажут, что я нарушаю закон. Теперь же, раз и тебе, столь хорошо разбирающемуся в этих вещах, все это кажется верным, похоже, что мне надо уступить. Да и что могу я сказать, если сам признаюсь, что ничего об этом не знаю? Но поведай мне, ради Покровителя дружбы, ты-то в самом деле полагаешь, что все это было так?

Евтифрон. Мало того, все это было еще более поразительным, хотя большинство ничего об этом не знает.

Сократ. Значит, ты полагаешь, будто между богами и в самом деле бывают войны, жестокая вражда, битвы и прочее в том же роде, как об этом рассказывают поэты, а хорошие живописцы расписывают этими чудесами священную утварь? Например, во время Великих Панафиней в Акрополь вносят облаченье богини, расцвеченное такими рисунками. И мы признаем, Евтифрон, что все это правда?

Евтифрон. Не только это, Сократ, но и то, о чем я сказал недавно; да и многое другое я могу порассказать тебе, если желаешь, о божественных делах, так что, услышав это, я уверен, ты будешь ошеломлен.

Сократ. Да и не удивительно! Но об этом ты мне расскажешь в другой раз, на досуге, а сейчас постарайся яснее изложить то, о чем я

тебя недавно просил. «Ведь ты, мой друг, перед этим неудовлетворительно ответил на мой вопрос, что такое благочестивое вообще, сказав лишь, будто благочестивым является то, что ты сейчас делаешь, преследуя отца по суду за убийство.

Евтифрон. И правду сказал я тебе, Сократ.

Сократ. Положим. Но ведь ты же признаешь, Евтифрон, что и многое другое бывает благочестивым?

Евтифрон. Конечно, бывает.

Сократ. Так припомни же, что я просил тебя не о том, чтобы ты назвал мне одно или два из благочестивых деяний, но чтобы определил идею как таковую, в силу которой все благочестивое является благочестивым. Ведь ты подтвердил, что именно в силу единой идеи нечестивое является нечестивым, а благочестивое – благочестивым. Разве ты этого не помнишь?

Евтифрон. Помню, конечно.

Сократ. Так разъясни же мне относительно этой идеи – что именно она собой представляет, дабы, взирая на нее и пользуясь ею как образцом, я называл бы что-либо одно, совершаемое тобою либо кем-то другим и подобное этому образцу, благочестивым, другое же, не подобное ему, таковым бы не называл.

Евтифрон. Но если ты желаешь, Сократ, я тебе это скажу!

Сократ. Да, я желаю.

Евтифрон. Итак, благочестиво то, что угодно богам, нечестиво же то, что им не угодно.

Сократ. Великолепно, Евтифрон! Ты дал мне именно тот ответ, которого я от тебя добивался. Правда, я не знаю, правильно ли это, но ясно, что ты докажешь в дальнейшем истинность своих слов.

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. Давай же рассмотрим заново то, что мы говорим: итак, удобное богам и удобный им человек – это благочестивые вещи, а неудобное богам и неудобный им человек – нечестивые, и, значит, благочестивое и нечестивое не тождественны между собою, а прямо противоположны друг другу. Не так ли?

Евтифрон. Именно так.

Сократ. Как тебе кажется, хорошо это сказано?

Евтифрон. Думаю, да, Сократ, я ведь это уже подтвердил.

Сократ. Значит, и то, что у богов бывает противоборство, междоусобицы и взаимная вражда, – это тоже ты подтверждаешь?

Евтифрон. Да, подтверждаю.

Сократ. А какие разногласия вызывают гнев и вражду? И о чем идет спор? Давай рассмотрим следующее: если бы, например, у нас с тобою возникло разногласие относительно чисел – какое из них больше, – то разве это разногласие породило бы между нами вражду и взаимный гнев, или же, занявшись вычислением, мы очень скоро пришли бы к согласию в этом деле?

Евтифрон. Конечно, пришли бы.

Сократ. Значит, и если бы мы разошлись во мнении относительно большего и меньшего размера предмета, то, занявшись измерением, мы быстро прекратили бы спор?

Евтифрон. Да, это так.

Сократ. А перейдя к взвешиванию, мы бы, думаю я, пришли к решению, какой предмет тяжелее, а какой легче?

Евтифрон. Как же иначе?

Сократ. Так из-за какого же разногласия, не позволяющего нам принять решение, могли бы мы прийти в гнев и стать друг другу врагами?

Быть может, тебе это не очень доступно, но проследи за тем, что я говорю: разве это не будет справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное, доброе и злое? И не из-за этого ли мы спорим и не можем прийти к удовлетворительному решению, становясь друг другу врагами во время таких раздоров – и я, и ты, и все остальные люди?

Евтифрон. *Да, Сократ, разногласие может касаться и этого.*

Сократ. *Ну а боги, Евтифрон? Разве когда между ними происходит раздор, он происходит не из-за таких вещей?*

Евтифрон. *Безусловно, из-за таких.*

Сократ. *А среди богов, благороднейший Евтифрон, одни, по твоим словам, почитают одно справедливым, прекрасным, постыдным, добрым и злым, а другие – другое: ведь не восставали бы они друг на друга, если бы не спорили из-за этого. Как ты думаешь?*

Евтифрон. *Ты прав.*

Сократ. *Итак, каждый, считая что-либо прекрасным, добрым и справедливым, именно это и любит, противоположное же ненавидит?*

Евтифрон. *Конечно.*

Сократ. *Но ведь одно и то же, по твоим словам, одни считают справедливым, другие – несправедливым? Из-за этих-то споров между ними и происходят междоусобицы и войны. Разве не так?*

Евтифрон. *Так.*

Сократ. *Похоже, что одно и то же боги и любят и ненавидят, и оно одновременно является богоугодным и богопротивным.*

Евтифрон. *Похоже.*

Сократ. *Но, Евтифрон, согласно этому рассуждению, благочестивое и нечестивое – это одно и то же.*

Евтифрон. *Видимо, так.*

Сократ. *Значит, почтеннейший, ты не ответил на мой вопрос: ведь я спрашивал не о том, что оказывается одновременно и благочестивым и нечестивым; тут же получилось, что богоугодное одновременно является богопротивным. Таким образом, Евтифрон, нет ничего удивительного, если то, что ты сейчас делаешь, стремясь покарать отца, окажется деянием, угодным Зевсу, но ненавистным Крону и Урану, любезным Гефесту, но противным Гере; то же самое получится и в отношении других богов, если между ними существуют расхождения по этому вопросу.*

Евтифрон. *Но я полагаю, Сократ, что здесь ни один из богов не расходится в мнении с другим и никто из них не считает, будто несправедливо убивший другого человека не должен держать за это ответ.*

Сократ. *В самом деле, Евтифрон? А тебе разве не доводилось слышать, как кто-либо из людей оспаривает необходимость наказания человека, незаконно убившего другого или совершившего что-либо незаконное?*

Евтифрон. *Да люди без конца затевают такие споры – и в суде, и где угодно еще. Совершая множество незаконных деяний, они говорят и делают всё, чтобы избежать кары.*

Сократ. *Как же так, Евтифрон? Они признают, что нарушили закон, и в то же время, признавая это, не хотят быть в ответе?*

Евтифрон. *Уж это-то ни в коем случае.*

Сократ. *Значит, они говорят и делают не всё, что угодно. Ведь, полагаю я, они не осмеливаются оспаривать необходимость нести наказание за совершенный ими проступок: я думаю, они просто не соглашаются с тем, что они преступники. Как ты считаешь?*

Евтифрон. *Ты прав.*

Сократ. Следовательно, они оспаривают не то, что преступнику следует нести наказание, но, по-видимому, спорят о том, кто является преступником, что он совершил и когда?

Евтифрон. Ты говоришь верно.

Сократ. То же самое, думаю я, относится и к богам, коль скоро, по твоим словам, они враждуют из-за справедливого и несправедливого, и одни говорят, что другие чинят им несправедливость, те же опровергают это обвинение. Потому что, почтеннейший, ведь никто ни из богов, ни из людей не посмеет сказать, будто виновный не должен нести наказание.

Евтифрон. Да, в общем ты это правильно говоришь, Сократ.

Сократ. Но по каждому отдельному случаю, Евтифрон, я думаю, спорщики спорят – и люди и боги, если только боги и вправду спорят: расходясь в мнении по поводу какого-либо деяния, одни говорят, что оно законно, другие – что нет. Разве не так?

Евтифрон. Конечно же.

Сократ. Так вот, друг мой Евтифрон, объясни ты мне, дабы стал я мудрее: какое у тебя доказательство того, что все боги считают безвинно погибшим человека, который, служа по найму, стал убийцей и, будучи связан господином убитого, скончался в оковах раньше, чем тот, кто его сковал, получил распоряжение от экзегета, и что они полагают правильным, чтобы из-за этого сын преследовал по суду и обвинял в убийстве своего отца? Прошу тебя, постарайся мне ясно доказать, что все боги считают наиболее правильным твое поведение, и, если ты мне это удовлетворительно докажешь, я никогда не перестану восхвалять твою мудрость.

Евтифрон. Но, пожалуй, это нешуточное дело, Сократ, хотя я мог бы доказать тебе это очень ясно.

Сократ. Я понимаю, что кажусь тебе менее понятливым, чем судьи: им же ты, очевидно, докажешь, что поступок твоего отца – незаконный и все боги ненавидят подобные дела.

Евтифрон. И докажу как нельзя более ясно, Сократ, если только они станут меня слушать.

Сократ. Но они станут слушать, если им покажется, что ты говоришь дело. Однако вот что пришло мне в голову, пока ты говорил, и о чем я подумал про себя: "Если даже Евтифрон докажет мне наилучшим образом, что все боги считают подобную гибель несправедливой, что нового узнаю я у него относительно сущности благочестивого и нечестивого? По-видимому, оказалось бы, что дело это богопротивно; однако благочестивое и нечестивое, как недавно выяснилось, определяются не этим, ибо богопротивное оказалось одновременно и богоугодным". Итак, я освобождаю тебя от этого, Евтифрон: пусть, коли тебе угодно, все боги считают это противозаконным и ненавидят. Но давай внесем сейчас такую поправку в рассуждение: нечестиво ненавистное всем богам, а удобное всем им – благочестиво, если же что-либо одни из них любят, а другие ненавидят, то это либо ни то ни другое, либо и то и другое одновременно. Желает ли ты, чтобы у нас теперь было такое определение благочестивого и нечестивого?

Евтифрон. А что этому мешает, Сократ?

Сократ. По мне, ровно ничего, но ты будь внимателен к своему делу: не получится ли, что, выдвинув такое предположение, ты не сумеешь мне с легкостью объяснить обещанное?

Евтифрон. Но и я бы назвал благочестивым то, что любят все боги, и, наоборот, нечестивым то, что все они ненавидят.

Сократ. *Что же, Евтифрон, посмотрим, хорошо ли мы сказали, или оставим это и будем воспринимать свои и чужие речи – если кто что-либо утверждает – как требующие немедленного согласия? Или надо все-таки рассмотреть, что именно утверждает говорящий?*

Евтифрон. *Надо рассмотреть. Однако я считаю, что сказанное сейчас сказано хорошо.*

Сократ. *Скоро, добрейший мой, мы это лучше узнаем. Но подумай вот о чем: благочестивое любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?*

Евтифрон. *Я не понимаю, о чем ты, Сократ?»*

1. Первая строка является ключом ко всему диалогу. «*Что это за новость, Сократ?»* («*Ти неотерон, о Сократес*») – это не просто клише, но показатель того, что Сократ представляет совершенно новый тип человека, и его дело – рациональная философия – это совершенно новое дело. Афиняне, которые осудили его за атеизм, считали, что это новая религия, но это был новый **тип** религии, который Евтифрон как типичный афинянин просто не может понять.

2. Драматичный личный контраст между наглым и самоуверенным Евтифроном и смиренным добродетельным Сократом в той же степени является частью диалога, как и контраст идей. Сократ философствует не только для того, чтобы найти объективную истину, подобно ученому (хотя он делает и это), но и для духовной войны (джихада), как попытки исцелить омраченную душу. В своей речи он постоянно обращается к своему собеседнику (а также и к читателю) с вопросами как личного характера, так и логического соответствия. Нам показаны не только две философии на выбор, но и две личности, с которыми мы можем себя идентифицировать.

3. Сократ – это апостол здравого рассудка. Он требует от нас логического обоснования наших убеждений и рассматривает логические последствия наших верований, рассматриваемых как предпосылки или гипотезы, доводя их до логических выводов через логически неотразимые шаги. Это и есть «*Что это за новость, Сократ*». Ничего подобного в истории человечества еще не было.

И хотя «новость» Сократа требует логической согласованности, она не исключает и не уничтожает его врожденной интуиции, его человеческих привязанностей, его благочестия и здравого смысла. В действительности все эти исключения происходят в душе Евтифона. Простое следование логике заставляет Евтифона предъявить иск, требующий смертной казни, к своему отцу, потому что так когда-то поступил и бог. Но Сократ потрясен отсутствием семейного благочестия и привязанности у Евтифона. Это показывает, что Сократ следует не только логике. Это не логика учит нас предпочитать собственную семью и быть преданным ей, а не идеям или теориям⁶. Сократ имеет не только рассудок, но и благочестие (как по отношению к своей семье, так и к богам – эти два типа благочестия обычно проявляются вместе). Евтифон считает, что он обладает и рассудком, и благочестием, но в действительности не обладает ни одним из них.

И на этом контрасте между Евтифоном и Сократом на личном примере видно, что разум и вера, логика и благочестие, философия и религия – не враги, а естественные союзники.

4. Во многих местах диалога мы видим знакомую иронию Платона. Во-первых, в самой ситуации. Сократа вот-вот будут судить и проговорят к смерти, но он показывает свое благочестие по контрасту с Евтифоном, который из-за своей нечестивости готов приговорить к смерти собственного

6

Известный современный чисто рациональный философ Питер Сингер (Peter Singer) утверждает, что особое, предпочтительное отношение к членам своей семьи морально ошибочно, потому что, согласно объективным логическим соображениям, они ничем не отличаются от незнакомцев.

отца. И все же Евтифрон заявляет, что ему присуще благочестие, а Сократу – нет. Все комплименты Сократа Евтифрону ироничны – его похвала оказывается скрытым оскорблением: *«разве только это видно вам, прорицателям»* (3e). *«Разумеется, Евтифрон, большинству здесь неизвестно, прав ты или не прав. Не думаю, чтобы первому встречному было по плечу правильно решить это дело (подать иск против собственного отца), разве только тому, кто достиг высокой степени мудрости»* (4b). *«Пожалуй, уважаемый Евтифрон, для меня самое лучшее – стать твоим учеником»* (5a).

Благочестие обычно определяется как «священный трепет», «благоговейный страх», «страх Божий». В Ветхом Завете страх Божий назван «началом мудрости» (Пс. 110:10. Притчи 9:10), но не концом. Евтифрон не обладает страхом Божьим, у Сократа же его много: *«Скажи ради Зевса, Евтифрон, ты-то себя считаешь настолько точно осведомленным в божественных законах и в вопросах благочестия и нечестия, что не страшишься – даже если все было так, как ты говоришь, – сам совершить нечестивое дело, преследуя отца по суду?»* (4e)

Кажется, что теперь Сократ говорит как ученик Евтифрона, человека уверенного, что обладает знанием. Конечно, несмотря на видимость («кажимость»), на самом деле, дела обстоят иронично противоположным образом: Сократ дает Евтифрону урок, а Евтифрон не способен ничему научить Сократа. Сократ преподает ему Урок №1 философии, с которым тот не знаком, но Евтифрон его не усвоил.

5. Поставив себя на место Евтифрона, ты легко можешь представить себе, почему земляки Евтифрона ощущали угрозу от Сократа. Люди часто готовы простить тебе, когда ты заблуждаешься, а они правы. Но люди редко прощают, когда ты прав, а они нет.

6. Сократ, как обычно, начинает с поиска определения понятия «благочестивое» (праведное, богоугодное). Это необходимое начало, так как понятие является началом логического утверждения, а логическое утверждение является началом доказательства. Таким образом, если мы не знаем, что именно мы подразумеваем под термином, мы просто не знаем, о чем мы говорим, независимо от того, каковы наши логические утверждения или доказательства.

Определение выражает сущность определяемого понятия, неизменное ядро, которое остается постоянным в любых обстоятельствах. Как говорит Сократ, *«Разве же в любом деле благочестивое (праведное) не тождественно самому себе, и, с другой стороны, разве нечестивое не противоположно всему благочестивому, самому же себе подобно, и разве не имеет оно некоей единственной идеи, выражающей нечестие для всего, что по необходимости бывает нечестивым?»* (5d)

7. С первой попытки Евтифрон дает не общее, а частное определение, то есть частный пример благочестивого, но не его всеобщую природу: *«Я утверждаю: благочестиво то, что я сейчас делаю»* (5d). Это то же самое, как определить человека просто показав на человека пальцем. Но что именно делает человека человеком?

8. Евтифрон оправдывает свой судебный иск примером богов: *«Зевс заключил в оковы собственного отца (Кроноса) за то, что он преступно пожирал своих сыновей, а тот в свою очередь оскотил своего отца (Урана) за подобные же деяния»* (6a).

Сократ откровенно говорит, что не верит этим историям:

«Так значит, Евтифрон, именно потому я выступаю ответчиком, что, когда рассказывают нечто подобное о богах, меня это раздражает? ... Но поведай мне, ради Покровителя дружбы, ты-то в самом деле полагаешь, что все это было так? ... Значит, ты полагаешь, будто между

богами и в самом деле бывают войны, жестокая вражда, битвы и прочее в том же роде?» (6ab).

Сократ проверяет веру афинян логическим рассуждением и находит ее сомнительной. Мы можем понять, почему они его боялись: чрезвычайно мучительно менять свои религиозные убеждения; анализировать их с позиции других ценностей может даже показаться предательством несмотря на то, что это делается из соображений здравого смысла и логического соответствия.

9. В итоге Евтифрон дает определение благочестивого после того, как Сократ показывает ему различие между примером и определением: *«я просил тебя не о том, чтобы ты назвал мне одно или два из благочестивых деяний, но чтобы определил идею как таковую, в силу которой все благочестивое является благочестивым» (6d).* Вот определение Евтифрона: *«благочестиво то, что угодно богам, нечестиво же то, что им не угодно» (7a).*

Сократ хвалит Евтифрона за то, что тот смог наконец дать определение. Но верно ли оно? *«Великолепно, Евтифрон! Ты дал мне именно тот ответ, которого я от тебя добивался. Правда, я не знаю, правильно ли это, но ясно, что ты докажешь в дальнейшем истинность своих слов» (7a).*

10. Но это определение оказывается неверным, так как противоречит тому, что предполагает Евтифрон – что все боги отличны друг от друга. И то, что угодно одному богу, может быть не угодно другому. Тогда одно и то же действие может быть одновременно и благочестивым и нечестивым – противоречие.

11. Евтифрон отвечает, что все боги согласны с тем, что его отец совершил несправедливость. Сократ не позволяет себе отвлечься от

основной мысли – от сущности благочестивого, отвлекаясь на вопрос о том, что думают боги (это та тема, о которой он, как заявляет, ничего не знает), поэтому он говорит: *«пусть, коли тебе угодно, все боги считают это противозаконным и ненавидят. Но давай внесем сейчас такую поправку в определение: нечестиво ненавистное всем богам, а удобное всем им – благочестиво»* (9d). Теперь в спор наряду с языческими многобожниками вовлечены и монотеисты (иудеи, христиане, мусульмане), ведь в божестве больше не допускается разделения воли (желания). Вопрос, который затем задает Сократ, бросает вызов не только многобожникам, но и тем монотеистам, которые подменяют единого Бога множеством «богов».

12. *«Благочестивое любимо богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?»* (10a)

Евтифрон отвечает: *«Я не понимаю, о чем ты»*.

Возможно, и ты тоже не понимаешь.

Сократ объясняет: *«Значит, ясно, Евтифрон, что я хочу сказать, а именно: если нечто является чем-то и что-то испытывает, то не потому оно является, что бывает являющимся, но оно являющееся потому, что является»* (10c). Вопрос Сократа можно перефразировать так: *«Что из этих двоих – благочестивого и воли богов – является следствием, а что – причиной?»* Тут возможны два варианта ответа:

(1). Одобрение богов (или для монотеистов «воля Бога») является причиной. То есть, то, что боги одобряют, то и благочестиво (праведно). Если боги одобряют людоедство или истребление какого-либо народа или эгоизм, то это благочестиво (праведно). Благочестивое или праведное или благое не являются таковыми сами по себе; всё зависит лишь от воли богов.

(2). Природу благочестивого (праведного) не могут изменить даже боги. Их воля делается благочестивой самой благочестивостью (праведностью). Даже богов нужно судить по более высоким меркам.

В первом варианте благочестивое есть следствие воли богов, а во втором благочестие воли богов является следствием благочестивого самого по себе.

Евтифрон выбирает первый вариант. Сократ выбирает второй. Покуда в качестве богов мы рассматриваем скандально несовершенных богов Древней Греции, выбор Сократа очевиден. Позиция Евтифрона неразумна и противоречит сама себе. (Мы опускаем доказательство Сократа, поскольку те верования Евтифрона, которые опровергает Сократ, сегодня в целом не разделяются).

Но если мы меняем греческих богов на Бога Авраама, то этот вопрос становится значимым. Первый вариант отдает все права Богу. Второй предполагает, что существуют более высокие мерки и идеалы. В первом варианте Бог выступает как тиран, во втором – как скамья подсудимых. В первом варианте Бог наказывает людей за то, что делает сам: «Горе тем, которые зло называют добром и добро — злом!» (Ис.5:20) Во втором – Бог постоянно должен сверяться с десятью заповедями, чтобы убедиться, что поступает правильно.

Некоторые (но не все) иудеи, христиане и мусульмане принимают первую версию. Философы называют ее «теорией божественного повеления». Это подразумевает тот ответ, который многие родители дают на вопрос их детей «А почему я должен этот делать?» - «Потому что я так сказал!» Сократ сказал бы на это, что это делает Бога плохим учителем.

Классическим решением этой проблемы для иудеев, христиан и мусульман является отрицание подразумеваемого Сократом предположения о том, что благочестивое (праведное, благое) и воля Бога различны и соотносятся друг с другом как причина и следствие. На самом деле, это одно и то же. Божья воля – это и есть благочестивое (праведное, благое).

Благочестивое (праведное, благое) и есть внутренняя природа самого Бога. И Бог всегда желает того, что согласно с его внутренней природой.

(1) Воля Бога благочестивое, благое

(2) Благочестивое, благое воля Бога

(3) Воля Бога = благочестивое, благое

13. Скрытым ключом здесь является отношение между религиозной верой и философским рассуждением. Мы по вере, а не по рассуждению знаем, в чем воля Бога. Бог должен через откровение обнаружить Свою волю, а мы должны верой принять это откровение; мы не можем телепатически общаться с Богом. Но мы можем своим разумом познать определение, сущность, природу, формы и смысл концепции благочестивого (благого).

Так Сократ, утверждая, что скорее «боги хотят чего-то потому, что это благочестиво», чем «благочестивое потому и благочестиво, что его хотят боги», ставит разум выше веры. Это является проблемой для иудеев, христиан и мусульман, которые верят, что Бог открыл людям многое, что недоступно разуму; таким образом, вера лучше познает Бога, чем разум. (Это верно также и потому, что Бог не может ни обманываться, ни обманывать, в то время как человек и его разум могут). Но это предполагает божественное откровение, а без него прав Сократ.

Классическое решение этого вопроса, даваемое через божественное откровение, в том, что вера (когда основывается на подлинно божественном откровении) вместе с разумом (когда он правильно используется) могут быть едины и познавать некоторые вечные истины о Боге и Его природе; что они должны взаимодействовать и восполнять друг друга, как муж и жена или как два крыла у птицы.

Этот сложный вопрос подобен дереву со множеством ветвей, и над ним рассуждали миллионы мыслителей тысячи лет. Но насадил это дерево Сократ.

14. Каждый раз, когда Евтифрон пытается отвечать Сократу, его ответ противоречит самому себе или чему-то, что он говорит. Евтифрон много раз меняет свою позицию, но ему не удается добиться согласия Сократа. Это раздражает, создает неверие в свои силы и сильно удивляет таких как Евтифрон, считающих себя экспертами в том, что такое благочестивое и праведное. Сократ много раз подбадривает его, чтобы найти верный подход, но Евтифрон каждый раз терпит поражение.

«Похоже, Евтифрон, ты не желаешь разъяснить мне вопрос о том, что такое благочестивое, и показать его сущность, а говоришь лишь о некоем состоянии, претерпеваемом благочестивым, а именно о том, что оно любимо всеми богами; сущность же его ты не раскрываешь. Послушай, если тебе угодно, не таись от меня, но скажи мне снова, с самого начала» (11а).

«Следовательно, нам надо с самого начала пересмотреть, что такое благочестивое: ведь пока я этого не узнаю, я не отступлюсь. Прошу тебя, не пренебрегай мною, но изо всех сил постарайся сосредоточиться и ответить мне правду. Ведь если кто и знает ее, так это именно ты... Если бы ты не имел ясного представления о благочестивом и нечестивом, ты никоим образом не мог бы ... преследовать престарелого отца за убийство, но убоился бы и богов – не отважился ли ты на ложный шаг – и людей постыдился бы тоже. Ну, а теперь-то я уверен, что ты ясно представляешь себе благочестивое и нечестивое. Скажи же, любезнейший Евтифрон, что ты об этом думаешь, не таясь.

Евтифрон. В другой раз, Сократ. Сейчас же я тороплюсь в одно место, и мне пора уходить» (15 de).

Хотел бы ты походить на Евтифрона? Или ты хотел бы быть похожим на Сократа?

15. Вопрос о Боге или богах – это вопрос о величайшем существе (существах), о величайшей реальности – величайший из всех вопросов.

Это не научный вопрос, ведь научный метод ограничен лишь тем, что можно почувствовать и измерить, хотя некоторые научные теории имеют отношение к вопросу о Боге, такие как теория большого взрыва или эволюция.

Это и не исторический вопрос, так как Бог – это не существо, ограниченное временем и пространством, хотя некоторые исторические свидетельства и связаны с Богом, такие как свидетельства о пророках, чудесах, Иисусе или жизни верующих.

Это философский вопрос, вопрос о мудрости. Мудро или глупо верить в невидимого Творца и Господа? В то, что наши жизни – это часть известной божественной истории? Это детская наивность, «сказочное мышление» или зрелая мудрость?

16. Самая практически важная сторона вопроса о Боге, поднятая в диалоге Евтифрон, это связь между Богом и нравственным благом. Нужен ли нам Бог, чтобы быть хорошими (благими)? Доказывает ли существование всеобщего морального закона существование и Создателя этого закона? Позволено ли всё, если Бога нет?

Некоторые, подобно Евтифрону или Достоевскому отвечают «Да»: без Бога не существует и благое, но и Бог и благое подлинно существуют. Другие, подобные Ницше или Сартру, отвечают «Да» на вопрос о связи (Бог и нравственность неразрывны), но «Нет» на вопрос об их существовании – Бога нет, а, следовательно, нет и блага. Некоторые, как Сократ, отрицают эту

связь, но верят и в Бога, и в благо. Другие же (гуманисты) отрицают связь и верят в благо, но не в Бога.

Вот реакция атеиста на диалог «Евтифрон»: «Посмотри! Сократ ясно показывает, сколь нелогична религия и насколько разрушительно связывать нравственность с Богом».

Теист же скажет: «Посмотри! Сократ очищает представление о Боге, а также представление о благе и благочестии».

Агностик же скажет: «Бог Сократа – это тот «неизвестный Бог», который упоминается в 17-й главе «Деяний апостолов», и Он должен оставаться неизвестным, если мы остаемся честными и смиренными, как Сократ. Только Бог может знать о Боге».

Верующий иудей, христианин или мусульманин добавит, что агностик может быть и прав, но Бог открыл себя через откровение и теперь мы тоже можем знать то, что знает только Бог. И это больше, чем Сократ. Стал бы Сократ также негативно критиковать Бога, которому поклоняется сегодня полмира, так же как он критиковал богов Евтифрона, – это увлекательный вопрос. И ответ на него знает только Бог⁷.

III. Фрагмент из диалога Федон: философия принимает мученическую смерть.

«Эхекрат. Скажи, Федон, ты сам был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь еще?»

7

И все же мы можем поразмышлять и предполагать, как я сделал это в своей книге «Сократ встречает Иисуса», в которой Сократ становится студентом в гарвардском колледже и задает удивляющие и неудобные вопросы своим преподавателям и однокурсникам.

Федон. Нет, сам, Эхекрат.

Эхекрат. Что же он говорил перед смертью? И как встретил кончину? Очень бы мне хотелось узнать. Ведь теперь никто из флиунтцев подолгу в Афинах не бывает, а из тамошних наших друзей, кто бы ни приезжал за последнее время, ни один ничего достоверного сообщить не может, кроме того только, что Сократ выпил яду и умер. Вот и все их рассказы.

Федон. Так, значит, вы и про суд ничего не знаете, как и что там происходило?

Эхекрат. Нет, об этом-то нам передавали. И мы еще удивлялись, что приговор вынесли давно, а умер он столько времени спустя. Как это получилось, Федон?

Федон. По чистой случайности, Эхекрат. Вышло так, что как раз накануне приговора афиняне украсили венком корму корабля, который они посылают на Делос.

Эхекрат. А что за корабль?

Федон. По словам афинян, это тот самый корабль, на котором Тесей некогда повез на Крит знаменитые семь пар. Он и им жизнь спас, и сам остался жив. А афиняне, как гласит предание, дали тогда Аполлону обет: если все спасутся, ежегодно отправлять на Делос священное посольство. С той поры и поныне они неукоснительно, год за годом, его отправляют. И раз уж снарядили посольство в путь, закон требует, чтобы все время, пока корабль не прибудет на Делос и не возвратится назад, город хранил чистоту и ни один смертный приговор в исполнение не приводился. А плавание иной раз затягивается надолго, если задуют противные ветры. Началом священного посольства считается день, когда жрец Аполлона возложит венок на корму корабля. А это случилось

накануне суда – я уже вам сказал. Потому-то и вышло, что Сократ пробыл так долго в тюрьме между приговором и кончиною.

Эхекрат. Ну, а какова была сама кончина, Федон? Что он говорил? Как держался? Кто был при нем из близких? Или же власти никого не допустили и он умер в одиночестве?

Федон. Да что ты, с ним были друзья, и даже много друзей.

Эхекрат. Тогда расскажи нам, пожалуйста, обо всем как можно подробнее и обстоятельнее. Если, конечно, ты не занят.

Федон. Нет, я совершенно свободен и постараюсь все вам описать. Тем более что для меня нет ничего отраднее, как вспоминать о Сократе, – самому ли о нем говорить, слушать ли чужие рассказы.

Эхекрат. Но и слушатели твои, Федон, в этом тебе не уступят! Так что уж ты постарайся ничего не упустить, будь как можно точнее!

Федон. Хорошо. Так вот, сидя подле него, я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал – он казался мне счастливецом, Эхекрат, я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал, что у меня даже являлась мысль, будто и в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее, чем кто-либо иной. Вот почему особой жалости я не ощущал – вопреки всем ожиданиям, – но вместе с тем философская беседа (а именно такого свойства шли у нас разговоры) не доставила мне привычного удовольствия. Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби – при мысли, что он вот-вот должен умереть. И все, кто собрался в тюрьме, были почти в таком же расположении духа и то смеялись, то плакали, в особенности один из нас – Аполлодор. Ты, верно, знаешь этого человека и его нрав.

Эхекрат. Как не знать!

Федон. Он совершенно потерял голову, но и сам я был расстроен, да и все остальные тоже.

Эхекрат. Кто же там был вместе с тобою, Федон?

Федон. Из тамошних граждан – этот самый Аполлодор, Критобул с отцом, потом Гермоген, Эпиген, Эсхин, Антисфен. Был и пэаниец Ктесипп, Менексен и еще кое-кто из местных. Платон, по-моему, был нездоров.

Эхекрат. А из иноземцев кто-нибудь был?

Федон. Да, фиванец Симмий, Кебет, Федонд, а из Мегар – Евклид и Терпсион.

Эхекрат. А что же Клеомброт и Аристипп?

Федон. Их и не могло быть! Говорят, они были на Эгине в ту пору.

Эхекрат. И больше никого не было?

Федон. Кажется, больше никого.

Эхекрат. Так, так, дальше! О чем же, ты говоришь, была у вас беседа?

Федон. Постараюсь пересказать тебе все с самого начала.

Мы и до того – и я, и остальные – каждый день непременно навещали Сократа, встречаясь ранним утром подле суда, где слушалось его дело: суд стоит неподалеку от тюрьмы. Всякий раз мы коротали время за разговором, ожидая, пока отпрут тюремные двери. Отпирались они не так уж рано, когда же наконец отпирались, мы входили к Сократу и большею частью проводили с ним целый день. В то утро мы собрались раньше обыкновенного: накануне вечером, уходя из с тюрьмы, мы узнали, что корабль возвратился с Делоса. Вот мы и условились сойтись в обычном месте как можно раньше. Приходим мы к тюрьме, появляется привратник, который всегда нам отворял, и велит подождать и не входить, пока он сам не позовет.

– Одиннадцать, – сказал он, – снимают оковы с Сократа и отдают распоряжения насчет казни. Казнить будут сегодня.

Спустя немного он появился снова и велел нам войти.

Войдя, мы увидели Сократа, которого только что расковали, рядом сидела Ксантиппа – ты ведь ее знаешь – с ребенком на руках.

Увидев нас, Ксантиппа заголосила, запричитала, по женской привычке, и промолвила так:

– Ох, Сократ, нынче в последний раз беседуешь ты с друзьями, а друзья – с тобою.

Тогда Сократ взглянул на Критона и сказал:

– Критон, пусть кто-нибудь уведет ее домой.

И люди Критона повели ее, а она кричала и била себя в грудь.

Сократ сел на кровати, подогнул под себя ногу и потер ее рукой. Не переставая растирать ногу, он сказал:

– Что за странная это вещь, друзья, – то, что люди зовут "приятным"! И как удивительно, на мой взгляд, относится оно к тому, что принято считать его противоположностью, – к мучительному! Вместе разом они в человеке не уживаются, но, если кто гонится за одним и его настигает, он чуть ли не против воли получает и второе: они словно срослись в одной вершине. Мне скажется, – продолжал он, – что, если бы над этим поразмыслил Эзоп, он сочинил бы басню о том, как бог, желая их примирить, не смог, однако ж, положить конец их вражде и тогда соединил их головами. Вот почему, как появится одно – следом спешит и другое. Так и со мной: прежде ноге было больно от оков, а теперь – вслед за тем – приятно.

Тут Кебет перебил его:

– Клянусь Зевсом, Сократ, хорошо, что ты мне напомнил! Меня уже несколько человек спрашивали днасчет стихов, которые ты здесь сочинил, – переложений Эзоповых притч и гимна в честь Аполлона, – и, между прочим, Евен недавно дивился, почему это, попавши сюда, ты вдруг взялся за стихи: ведь раньше ты никогда их не писал. И если тебе не все равно, как я отвечу Евену, когда он в следующий раз об этом спросит – а он непременно спросит! – научи, что мне сказать.

– Скажи ему правду, Кебет, – промолвил Сократ, – что я не хотел соперничать с ним или с его искусством – это было бы нелегко, ея вполне понимаю, – но просто пытался, чтобы очиститься, проверить значение некоторых моих сновидений: не этим ли видом искусства они так часто повелевали мне заниматься. Сейчас я тебе о них расскажу.

В течение жизни мне много раз являлся один и тот же сон. Правда, видел я не всегда одно и то же, но слова слышал всегда одинаковые: "Сократ, твори и трудись на поприще Муз". В прежнее время я считал это призывом и советом делать то, что я и делал. Как зрители подбадривают бегунов, так, думал я, и это сновидение внушает мне продолжать мое дело – творить на поприще Муз, ибо высочайшее из искусств – это философия, а ею-то я и занимался. Но теперь, после суда, когда празднество в честь бога отсрочило мой конец, я решил, что, быть может, сновидение приказывало мне заняться обычным искусством, и надо не противиться его голосу, но подчиниться: ведь надежнее будет повиноваться сну и не уходить, прежде чем не очистишься поэтическим творчеством. И вот первым делом я сочинил песнь в честь того бога, чей праздник тогда справляли, а почтив бога, я понял, что поэт – если только он хочет быть настоящим поэтом – должен творить мифы, а не рассуждения. Сам же я даром воображения не владею, вот я и взял то, что было мне всего доступнее, – Эзоповы басни. Я знал их наизусть и

первые же, какие пришли мне на память, переложил стихами. Так все и объясни Евену, Кебет, а еще скажи ему от меня "прощай" и прибавь, чтобы как можно скорее следовал за мною, если он человек здравомыслящий. Я-то, видимо, сегодня отхожу – так велят афиняне. Тут вмешался Симмий:

– Да как же убедить в этом Евена, Сократ? Мне много раз приходилось с ним встречаться, и, насколько я знаю этого человека, ни за что он не послушается твоего совета по доброй воле.

– Почему же? Разве Евен не философ?

– По-моему, философ, – отвечал Симмий.

– Тогда он согласится со мною – и он, и всякий другой, кто относится к философии так, как она того требует и заслуживает. Правда, руки на себя он, вероятно, не наложит: это считается недозволенным.

С этими словами Сократ спустил ноги на пол и так сидел уже до конца беседы.

Кебет спросил его:

– Как это ты говоришь, Сократ: налагать на себя руки не дозволено, и все-таки философ соглашается отправиться следом за умирающим?

– Ну и что же, Кебет? Неужели вы – ты и Симмий – не слышали обо всем этом от Филолая?

– Нет. По крайней мере, ничего ясного, Сократ.

– Правда, я и сам говорю с чужих слов, однако же охотно повторяю то, что мне случалось слышать. Да, пожалуй, оно и всего уместнее для человека, которому предстоит переселиться в иные края, – размышлять о своем переселении и пересказывать предания о том, что ждет его в конце путешествия. В самом деле, как еще скоротать время до заката?

– Так почему же все-таки, Сократ, считается, что убить самого себя непозволительно? Сказать по правде, я уже слышал и от Филолая, когда он жил у нас, – я возвращаюсь к твоему вопросу, – и от других, что этого делать нельзя. Но ничего ясного я никогда ни от кого не слышал.

– Не надо падать духом, – сказал Сократ, – возможно, ты еще услышишь. Но пожалуй, ты будешь изумлен, что среди всего прочего лишь это одно так просто и не терпит никаких исключений, как бывает во всех остальных случаях. Бесспорно, есть люди, которым лучше умереть, чем жить, и, размышляя о них – о тех, кому лучше умереть, – ты будешь озадачен, почему считается нечестивым, если такие люди сами окажут себе благодеяние, почему они обязаны ждать, пока их облагодетельствует кто-то другой.

Кебет слегка улыбнулся и отвечал:

– Зевс свидетель – верно!

Эти слова он произнес на своем наречии. b– Конечно, это может показаться бессмысленным, – продолжал Сократ, – но, на мой взгляд, свой смысл здесь есть. Сокровенное учение гласит, что мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать, – величественное, на мой взгляд, учение и очень глубокое. И вот что еще, Кебет, хорошо сказано, по-моему: о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди, – часть божественного достояния. Согласен ты с этим или нет?

– Согласен, – отвечал Кебет.

– Но если бы кто-нибудь из тебе принадлежащих убил себя, не справившись предварительно, угодна ли тебе его смерть, ты бы, верно, разгневался и наказал бы его, будь это в твоей власти?

– Непременно! – воскликнул Кебет.

– А тогда, пожалуй, совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, пока бог каким-нибудь образом его к этому не принудит, вроде как, например, сегодня – меня.

– Да, это, пожалуй, верно, – сказал Кебет. – Но то, о чем ты сейчас говорил, будто философы с легкостью и с охотой согласились бы умереть, – это как-то странно. Сократ, раз мы только что правильно рассудили, признав, что бог печется о нас и что мы – его достояние. Бессмысленно предполагать, чтобы самые разумные из людей не испытывали недовольства, выходя из-под присмотра и покровительства самых лучших покровителей – богов. Едва ли они верят, что, очутившись на свободе, смогут лучше позаботиться о себе сами. Иное дело – человек безрассудный: тот, пожалуй, решит как раз так, что надо бежать от своего владыки. Ему и в голову не придет, что подле доброго надо оставаться до последней крайности, о побеге же и думать нечего. Побег был бы безумием, и, мне кажется, всякий, кто в здравом уме, всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого. Но это очевиднейшим образом противоречит твоим словам, Сократ, потому что разумные должны умирать с недовольством, а неразумные – с весельем.

Сократ выслушал Кебета и, как показалось, обрадовался его пытливости. Обведя нас взглядом, он сказал:

– Всегда-то Кебет отыщет какие-нибудь возражения и не вдруг соглашается с тем, что ему говорят. А Симмий на это:

– Да, Сократ, и мне тоже кажется, что Кебет говорит дело. С какой стати людям поистине мудрым бежать от хозяев, которые лучше и выше их самих, и почему при расставании у них должно быть легко на сердце? И мне кажется, Кебет метит прямо в тебя. Ведь ты с такой

легкостью принимаешь близкую разлуку и с нами, и с теми, кого сам признаешь добрыми владыками, – с богами.

– Верно, – сказал Сократ, – и, по-моему, я вас понял: вы предъявляете обвинение, а я должен защищаться, точь-в-точь как в суде.

– Совершенно справедливо! – сказал Симмий.

– Ну, хорошо, попробую оправдаться перед вами более успешно, чем перед судьями» (57-63d).

(Мы пропустим подавляющую часть диалога и вкратце перескажем ее ниже в пунктах 9 и 10). Мы только добавим последнюю сцену – смерть Сократа. После рассуждения о некоторых деталях последующей жизни Сократ говорит:)

«Правда, человеку здравомыслящему не годится утверждать с упорством, будто все обстоит именно так, как я рассказал. Но что такая или примерно такая участь и такие жилища уготованы нашим душам – коль скоро мы находим душу бессмертной, – утверждать, по-моему, следует, и вполне решительно. Такая решимость и достойна, и прекрасна – с ее помощью мы словно бы зачаровываем самих себя. Вот почему я так пространно и подробно пересказываю это предание.

Но опять-таки в силу того, о чем мы сейчас говорили, нечего тревожиться за свою душу человеку, который в течение целой жизни пренебрегал всеми телесными удовольствиями, и в частности украшениями и нарядами, считал их чуждыми себе и приносящими скорее вред, нежели пользу, который гнал за иными радостями, радостями познания, и, украсив душу не чужими, но доподлинно ее украшениями – воздержностью, справедливостью, мужеством, свободой, истиной, ожидает странствия в Аид, готовый пуститься в путь, как только позовет судьба. Вы, Симмий, Кебет и все остальные, тоже отправитесь

этим путем, каждый в свой час, а меня уже нынче "призывает судьба" – так, вероятно, выразился бы какой-нибудь герой из трагедии. Ну, пора мне, пожалуй, и мыться: я думаю, лучше выпить яд после мытья и избавить женщин от лишних хлопот – не надо будет обмывать мертвое тело.

Тут заговорил Критон.

– Хорошо, Сократ, – промолвил он, – но не хочешь ли оставить им или мне какие-нибудь распоряжения насчет детей или еще чего-нибудь? Мы бы с величайшею охотой сослужили тебе любую службу.

– Ничего нового я не скажу, Критон, – отвечал Сократ, – только то, что говорил всегда: думайте и пекитесь о себе самих, и тогда, что бы вы ни делали, это будет доброю службой и мне, и моим близким, и вам самим, хотя бы вы сейчас ничего и не обещали. А если вы не будете думать о себе и не захотите жить в согласии с тем, о чем мы толковали сегодня и в прошлые времена, вы ничего не достигнете, сколько бы самых с горячих обещаний вы сейчас ни надавали.

– Да, Сократ, – сказал Критон, – мы постараемся исполнить все, как ты велишь. А как нам тебя похоронить?

– Как угодно, – отвечал Сократ, – если, конечно, сумеете меня схватить и я не убегу от вас.

Он тихо засмеялся и, обернувшись к нам, продолжал:

– Никак мне, друзья, не убедить Критона, что я – это только тот Сократ, который сейчас беседует с вами и пока еще распоряжается каждым своим словом. Он воображает, будто я – это тот, кого он вскорости увидит мертвым, и вот спрашивает, как меня хоронить! А весь этот длинный разговор о том, что, выпив яду, я уже с вами не останусь, но отойду в счастливые края блаженных, кажется ему пустыми

словами, которыми я хотел утешить вас, а заодно и себя. Так поручитесь же за меня перед Критоном, только дайте ручательство, обратное тому, каким сам он ручался перед судьями: он-то ручался, что я останусь на месте, а вы поручитесь, что не останусь, но удалюсь отсюда, как только умру. Тогда Критону будет легче, и, видя, как мое тело сжигают или зарывают в землю, он уже не станет негодовать и убиваться, воображая, будто я терплю что-то ужасное, и не будет говорить на похоронах, что кладет Сократа на погребальное ложе, или выносит, или зарывает. Запомни хорошенько, мой дорогой Критон: когда ты говоришь неправильно, это не только само по себе скверно, но и душе причиняет зло. Так не теряй мужества и говори, что хоронишь мое тело, а хорони как тебе заблагорассудится и как, по твоему мнению, требует обычай.

С этими словами он поднялся и ушел в другую комнату мыться. Критон пошел следом за ним, а нам велел ждать. И мы ждали, переговариваясь и раздумывая о том, что услышали, но все снова и снова возвращались к мысли, какая постигла нас беда: мы словно лишились отца и на всю жизнь оставались сиротами. Когда Сократ помылся, к нему привели сыновей – у него было двое маленьких и один побольше; пришли и родственницы, и Сократ сказал женщинам несколько слов в присутствии Критона и о чем-то распорядился, а потом велел женщинам с детьми возвращаться домой, а сам снова вышел к нам.

Было уже близко к закату: Сократ провел во внутренней комнате много времени. Вернувшись после мытья, он сел и уже больше почти не разговаривал с нами. Появился прислужник Одиннадцати и, ставши против Сократа, сказал:

– Сократ, мне, видно, не придется жаловаться на тебя, как обычно на других, которые бушуют и проклинаят меня, когда я по приказу властей объявляю им, что пора пить яд. Я уж и раньше за это время

убедился, что ты самый благородный, самый смирный и самый лучший из людей, какие когда-нибудь сюда попадали. И теперь я уверен, что ты не гневаешься на меня. Ведь ты знаешь виновников и на них, конечно, и гневаешься. Ясное дело, тебе уже понятно, с какой вестью я пришел. Итак, прощай и постарайся как можно легче перенести неизбежное.

Тут он заплакал и повернулся к выходу. Сократ взглянул на него и промолвил:

– Прощай и ты. А мы всё исполним как надо. – Потом, обратившись к нам, продолжал: – Какой обходительный человек! Он все это время навещал меня, а иногда и беседовал со мною, просто замечательный человек! Вот и теперь, как искренне он меня оплакивает. Однако ж, Критон, послушаемся его – пусть принесут яд, если уже стерли. А если нет, пусть сотрут. А Критон в ответ:

– Но ведь солнце, по-моему, еще над горами, Сократ, еще не закатилось. А я знаю, что другие принимали отраву много спустя после того, как им прикажут, ужинали, пили вволю, а иные даже наслаждались любовью, с кем кто хотел. Так что не торопись, время еще терпит.

А Сократ ему:

– Вполне понятно, Критон, что они так поступают, – те, о ком ты говоришь. Ведь они думают, будто этим что-то выгадывают. И не менее понятно, что я так не поступаю. Я ведь не надеюсь выгадать ничего, если выпью яд чуть попозже, и только сделаюсь смешон самому себе, цепляясь за жизнь и дрожа над последними ее остатками. Нет, нет, не спорь со мною и делай, как я говорю.

Тогда Критон кивнул рабу, стоявшему неподалеку. Раб удалился, и его не было довольно долго; потом он вернулся, а вместе с ним вошел

человек, который держал в руке чашу со стертым ядом, чтобы поднести Сократу.

Увидев этого человека, Сократ сказал:

– Вот и прекрасно, любезный. Ты со всем этим знаком – что же мне надо делать?

– Да ничего, – отвечал тот, – просто выпей и ходи до тех пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда ляг. Оно подействует само.

С этими словами он протянул Сократу чашу. И Сократ взял ее с полным спокойствием, Эхекрат, – не задрожал, не побледнел, не изменился в лице, но, по всегдашней своей привычке, взглянул на того чуть исподлобья и спросил:

– Как, по-твоему, этим напитком можно сделать возлияние кому-нибудь из богов или нет?

– Мы стираем ровно столько, Сократ, сколько надо выпить.

с– Понимаю, – сказал Сократ. – Но молиться богам и можно и нужно – о том, чтобы переселение из этого мира в иной было удачным. Об этом я и молю, и да будет так.

Договорив эти слова, он поднес чашу к губам и выпил до дна – спокойно и легко.

До сих пор большинство из нас еще как-то удерживалось от слез, но, увидев, как он пьет и как он выпил яд, мы уже не могли сдержать себя. У меня самого, как я ни крепился, слезы лились ручьем. Я закрылся плащом и оплакивал самого себя – да! не его я оплакивал, но собственное горе – потерю такого друга! Критон еще раньше моего разразился слезами и поднялся с места. А Аполлодор, который и до того плакал не переставая, тут зарыдал и заголосил с таким отчаянием, что всем надорвал душу, всем, кроме Сократа. А Сократ промолвил:

– Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, – ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!

И мы застыдились и перестали плакать.

Сократ сперва ходил, потом сказал, что ноги тяжелеют, и лег на спину: так велел тот человек. Когда Сократ лег, он ощупал ему ступни и голени и немного погодя – еще раз. Потом сильно стиснул ему ступню и спросил, чувствует ли он. Сократ отвечал, что нет. После этого он снова ощупал ему голени и, понемногу ведя руку вверх, показывал нам, как тело стынет и коченеет. Наконец прикоснулся в последний раз и сказал, что, когда холод подступит к сердцу, он отойдет.

Холод добрался уже до живота, и тут Сократ раскрылся – он лежал, закутавшись, – и сказал (это были его последние слова):

– Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте.

– Непременно, – отозвался Критон. – Не хочешь ли еще что-нибудь сказать?

Но на этот вопрос ответа уже не было. Немного спустя он вздрогнул, и служитель открыл ему лицо: взгляд Сократа остановился. Увидев это, Критон закрыл ему рот и глаза.

Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека – мы вправе это сказать – самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого» (114-118).

1. Диалог Федон представляет собой отчет о смерти Сократа. Это не смерть философии, но скорее ее жизнь, продолжающаяся в ученике Сократа – Платоне.

Как и в Апологии Сократа здесь два измерения: личное, частное, психологическое описание Сократа и объективная, всеобщая, вневременная картина философии, которую Сократ подтверждает своим примером. Никто уже никогда не сможет стать Сократом, но каждый должен стремиться философски относиться к жизни. Фрагменты начала и конца диалога, которые мы здесь приводим, сосредотачиваются на личности Сократа. Но она неразрывно связана с самой сутью философии. Сократ воплощает собой философию, является ее архетипом, так что можно сказать, что Сократ и есть философия, а философия – это Сократ.

Поэтому не столь важно, все ли детали платоновского описания Сократа соответствуют исторической действительности. Подобно Адаму, Гильгамешу, Иову, Конфуцию, Лао-Цзы, Будде, Одиссею, Цезарю или королю Артуру, он – символ, архетип, идеал. Он больше, чем жизнь.

Если бы верующий иудей узнал, что Моисея не существовало или что он не получал заповедей от Бога, его вера была бы уничтожена. Если бы кости Иисуса были найдены в иерусалимской гробнице, то христианин утратил бы свою веру. Убеждение в том, что Мухамед сам написал Коран, а не получил его от Аллаха, уничтожило бы веру мусульманина. Но даже если историки докажут, что Сократ был придуман Платоном, философия не погибнет вместе с историческим Сократом, так же, как и буддизм не исчезнет, если бы существование исторического Будды было бы опровергнуто. Моисей, Иисус и Мухаммед – пророки⁸. Пророк всегда уникален и не заменим. Никто не может стать пророком просто по своему

8

Я не утверждаю, что все они являются истинными пророками. Я говорю лишь, что они называют себя пророками. Я не имею также в виду, что Иисус не является кем-то большим, чем пророк. Пророк передает мудрость, философ ищет ее, софист ее подделывает, Бог ей обладает.

желанию. Пророк посылается Богом и получает власть от Бога. Но философ – это всякий, кто ищет истину, используя человеческий разум. Каждый приглашается стать Сократом. Каждый может сделать это по собственной инициативе, под свою ответственность, по собственному выбору.

2. Первая строка, как обычно в платоновских диалогах, дает скрытый ключ к основной мысли диалога. По прошествии нескольких лет после смерти Сократа один из его учеников (Эхекрат) задает вопрос другому ученику (Федону): *«Скажи, Федон, ты сам был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь еще?»*

Этот вопрос задается и читателю – «А где был ты?» Конечно, мы не могли быть там, мы родились на несколько тысяч лет позже. Но в нашем воображении – духовно – мы можем быть там, так как дух не подчиняется законам материи. Мы можем идентифицировать себя, то есть найти нечто общее, с Сократом или с Иисусом. Есть два способа чтения Евангелий – с точки зрения внешнего наблюдателя либо с точки зрения участника – ученика. Так же можно читать и диалог Федон. И Платон приглашает нас прочесть этот диалог с той же точки зрения, с какой он его писал (это, кстати, первый закон хорошей литературной критики или толкования). Сам Платон не присутствовал там – он был болен. Но он присутствовал там своим духом. И мы можем там побывать.

Разница между «быть там самому» и «слышать это от другого» ярко показана в библейской Книге Иова. Иова не удовлетворяет то знание о Боге, которое его друзья слышали от других и он хочет получить это знание на собственном опыте: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов.42:5).

3. После того, как Федон отвечает, что был там сам, Эхекрат задает два вопроса: «Что же он говорил перед смертью? И как встретил кончину?». И рассказ Федона разбивается на две части: одна описывает **слова** Сократа, а вторая – **дела**. Слова Сократа, в которых он доказывает своим сомневающимся ученикам, что душа бессмертна, занимают большую часть диалога, его среднюю часть. Они опущены здесь, так как самый сильный довод, доказывающий бессмертие, — это пример Сократа. Его философия скорее переживается, чем передается словами. Лишь немногие скептики переменили свою точку зрения на бессмертие, узнав доводы Сократа, но практически каждого глубоко потрясает и поражает подлинная смерть Сократа, как она показана в конце диалога. Это один из самых сильных отрывков в мировой литературе. И он, в очень глубоком и таинственном смысле, чрезвычайно убедителен.

Клайв Стейплз Льюис написал эпитафию на смерть своего близкого друга Чарльза Уильямса: «Никакое событие не подкрепило так моей веры в жизнь после смерти, как смерть Уильямса. Когда образ смерти и образ Уильямса пересеклись в моем воображении, изменился сам образ смерти». Платон говорит то же самое о Сократе в Федоне.

4. Казнь Сократа была отложена и-за поездки священного корабля. Федон объясняет

«По словам афинян, это тот самый корабль, на котором Тесея некогда повез на Крит знаменитые семь пар. Он и им жизнь спас, и сам остался жив. А афиняне, как гласит предание, дали тогда Аполлону обет: если все спасутся, ежегодно отправлять на Делос (местонахождение дельфического оракула) священное посольство. С той поры и поныне они неукоснительно, год за годом, его отправляют. И раз уж снарядили посольство в путь, закон требует, чтобы все время, пока корабль не

прибудет на Делос и не возвратится назад, город хранил чистоту и ни один смертный приговор в исполнение не приводился» (59ab).

Согласно этой легенде, Тезей из Афин прибыл на Крит и убил там чудовище Минотавра (за свое давнее преступление афиняне были вынуждены каждые девять лет отправлять на Крит семерых юношей и семерых девушек, которые в ритуальном танце сражались с Минотавром и погибали). Возможно, Платон подразумевает, что Сократ осуществляет миф о Тезее, как он воплощает в жизнь и другие мифы, спасая нас (варваров) от чудовищ внутри нас.

Четырнадцать танцоров были совсем не похожи на Сократа. Они были молоды, красивы, гибки и проворны. Он же был стар, уродлив, толст и медлителен. Но его дух был точно так же молод, как дух этих танцоров, и это лучший символ сократовской мудрости и его метода. Это также еще один пример сократического несоответствия видимого облика и невидимой реальности.

Иисус тоже был казнен незадолго до священного времени – иудейской субботы, когда закон запрещал какое-либо убийство. Именно поэтому они тщательно убедились, что он мертв, прежде чем сняли с креста его тело до наступления заката пятницы, когда по закону начинается иудейская суббота (Ин. 19:30-37).

Священный корабль из Афин вез лучших афинских юношей и девушек как приношение богу дельфийского оракула. Сократ был на самом деле лучшим из афинян, и когда корабль возвращается, он приносится в жертву за свою преданность тому же богу. Священный корабль, возвращаясь, приносит афинянам благословение от бога. И Сократ был благословением для Афин, даром бога.

И Сократ получает дар от бога, когда корабль возвращается. Его дар – смерть – пропуск в Рай.

5. Федон говорит (58d): *«для меня нет ничего отраднее, как вспоминать о Сократе, – самому ли о нем говорить, слушать ли чужие рассказы»*. Это мог сказать и Платон, но это «вспоминание» было не концом, а началом, побуждающим к новому философствованию. Дух Сократа активен. Говоря по правде, у Сократа вообще могло не быть учеников, потому что ему почти нечему было научить их, кроме своего метода, который нам нужно использовать самим на практике.

В этом смысле вся философия есть «вспоминание» Сократа, повторение его. Это почти священнодействие («Сие творите в мое воспоминание»). Это почти настоящее присутствие. И оно, конечно, больше походит на вспоминаемого, чем его фотография.

6. В присутствии Сократа привычные понятия и особенности, которые казались столь очевидными, становятся неясными. И все же это замешательство является не отходом от нашего опыта, но полностью ему соответствует. Например, связь между наслаждением и болью. Это отмечают и Федон и Сократ: *«я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал – он казался мне счастливецem ... Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби»* (58e).

«Сократ сел на кровати, подогнул под себя ногу и потер ее рукой. Не переставая растирать ногу, он сказал:

– Что за странная это вещь, друзья, – то, что люди зовут "приятным"! И как удивительно, на мой взгляд, относится оно к тому, что принято считать его противоположностью, – к мучительному! Вместе разом они в человеке не уживаются, но, если кто гонится за одним и его настигает, он чуть ли не против воли получает и второе ...

Прежде ноге было больно от оков, а теперь – вслед за тем – приятно» (60bc).

Метод Сократа ставит вопросы нашим самым привычным понятиям и меркам (например, наслаждению и боли), а также нашим исходным предположениям (например, что они исключают друг друга). Но этот метод не ставит вопросы тем данным, которые получены нами на собственном опыте, на практике. Подобно «научному методу» он скорее проверяет гипотезы данными, чем пренебрегает данными или искажает их, чтобы подогнать под гипотезу. Единственное различие между двумя методами в том, что наука сужает свои данные и свои гипотезы только до тех областей и фактов, которые можно проверить на практике (эмпирическим путем) и которые подходят под критерий фальсифицируемости⁹ (а также, в точных науках, данные обязательно должны быть количественно измеримы). Но в обоих методах идеи проверяются опытом, данные контролируют гипотезы. Этот логический прием, используемый в обоих методах, называется индукцией. Обратный прием – дедукция – выявляет логические следствия из гипотез. (В науке этот обычно называется прогнозом).

7. Что Сократ делал в тюрьме в последнюю ночь своей жизни? Два дела, которых он никогда не делал раньше – он написал стихи и гимн:

«...насчет стихов, которые ты здесь сочинил ... почему это, попавши сюда, ты вдруг взялся за стихи: ведь раньше ты никогда их не писал».

«...я просто пытался, чтобы очиститься, проверить значение некоторых моих сновидений: не этим ли видом искусства они так часто повелевали мне заниматься...: "Сократ, твори и трудись на поприще Муз".

9

Введенный Карлом Поппером принцип фальсифицируемости предполагает, что существует принципиальная возможность опровергнуть рассматриваемое утверждение; то есть научная теория лишь потому является научной, что не может быть принципиально неопровержимой; любая научная теория может быть опровергнута. (Примечание переводчика)

В прежнее время я считал это призывом и советом делать то, что я и делал... – творить на поприще Муз, ибо высочайшее из искусств – это философия, а ею-то я и занимался. Но теперь, после суда, ... я решил, что, быть может, сновидение приказывало мне заняться обычным искусством, и надо не противиться его голосу, но подчиниться: ведь надежнее будет повиноваться сну и не уходить, прежде чем не очистишься поэтическим творчеством. И вот первым делом я сочинил песнь в честь того бога, чей праздник тогда справляли, а почтив бога, я понял, что поэт – если только он хочет быть настоящим поэтом – должен творить мифы, а не рассуждения. Сам же я даром воображения не владею, вот я и взял то, что было мне всего доступнее, – Эзоповы басни» (60d-61b).

Сократ, как мы помним, мудр, потому что знает, чего он не знает. Всю жизнь он полагал, что сон приказывает ему «творить на поприще Муз» не буквально, а символически, воспринимая философию как величайшее из творений Муз – величайшую музыку, как гармонию и красоту высшей части души – ума. Но, возможно, он ошибался. Если это так и если сон действительно исходит от бога, то у Сократа последняя возможность проявить благочестие и покорность.

Аполлон и Эзоп – два наиболее подходящих для Сократа выбора. Из всех богов Аполлон больше всего походил на того бога, в которого верил Сократ, так как Аполлон символизировал разум и истину. Эзоп же, автор басен для детей о говорящих животных, из всех поэтов был ближе всех к Сократу своим смирением (он писал для детей), своим интересам к вопросам нравственности (каждая басня представляла собой нравственный урок) и своей правдивостью (ведь никто не воспринимал его басни как описание буквальных событий).

8. Кебет задает Сократу вопрос, который и сегодня смущает многих: Если смерть есть благо, а не зло, почему самоубийство является злом, а не благом?

Ответ Сократа здесь – это не логос (не доказательство), а миф, священная история, которую он считает достоверной: *«Сокровенное учение гласит, что мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать, – величественное, на мой взгляд, учение и очень глубокое. И вот что еще, Кебет, хорошо сказано, по моему: о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди, – часть божественного достояния»* (62b).

Многие древние интуитивно понимали это, даже без ясного знания или доказательств. Но только иудеи и христиане имели об этом точную заповедь и ясное понимание этого: человек был создан Богом по Его образу и подобию, и Бог был Богом жизни, который приказывал своим детям выбирать жизнь.

9. Кебет не удовлетворен ответом и требует от Сократа доказательства – не ошибочности и зла самоубийства, а надежды Сократа, что смерть может оказаться благом, что существует жизнь после смерти, что душа бессмертна (62 cd).

Сократ не расстроен, но обрадован этими вопросами, в которых видна любовь к мудрости. В центральной части диалога Федон, которую мы здесь опустили, Сократ приводит пять аргументов в пользу бессмертия.

Два аргумента отрицательные и отвечают на попытки Кебета и Симмия показать невозможность бессмертия через неверную аналогию между душой и телом:

1. Душа – это не невидимая гармония, производимая видимым музыкальным инструментом (телом), потому что она не является действием тела. Если бы она была его действием, то исчезала бы вместе с телом.

2. Душа не умирает даже после смерти многих тел, которые она меняет при многих циклах перерождения (многие греки верили в реинкарнацию; в диалоге Менон Сократ называет реинкарнацию вполне правдоподобной).

Далее Сократ дает три положительных доказательства, и каждое из них очень остроумно. Это буквально первые рациональные доказательства бессмертия, когда-либо высказанные. Но сегодня многие философы считают их неубедительными.

1. Мы можем заметить, что в природе всё возникает из противоположного: день из ночи, ночь из дня, холод из жары, жара из холода и т.д. По этому закону не только мертвое возникает из живого (как мы видим), но и живое из мёртвого (хотя мы и не можем этого увидеть).

2. Если душа уже пережила несколько тел через перерождения, то она сможет переродиться и в будущем. Если душа бессмертна в прошлом, то она может быть бессмертной и в будущем.

Сократ добавляет и еще один довод в пользу веры в перевоплощение души – это его учение об узнавании как припоминании, о котором подробно говорится в диалоге Менон. По Сократу узнавание подобно дежавю, что предполагает прошлую жизнь – до рождения.

3. Самый сложный и самый абстрактный довод (но один из самых важных): душа, в отличие от тела, не обладает жизнью, а и есть сама жизнь, а значит, душа и не может утратить жизнь, как не может утратить свою сущность. Тела получают жизнь через душу; когда душа покидает тело, оно умирает. Душа – это сущность, а тело – материал.

Еще один довод в пользу бессмертия высказывается в диалоге «О государстве», в 10-й книге (608с-611а): наиболее сильные бедствия для тела

(болезни) убивают тело, но даже самые сильные бедствия для души (пороки) не убивают ее. Возможно, до этого довода додумался Платон, а не Сократ. Диалог «О государстве» представляет собой границу, разделяющую ранние диалоги, в которых Платон вспоминает настоящего Сократа, и диалоги поздние, в которых он использует придуманного Сократа, как выразителя его собственных идей.

Истинность или ложность религиозных верований, таких как жизнь после смерти, греческие боги, перевоплощение души, является скорее объектом веры, чем рационального рассуждения для большинства людей – как верующих, так и неверующих. Одна из главных задач философии, как ее практиковал Сократ, это критика религии, поиск доводов в защиту (или против) веры. Эти доводы скорее вероятностны, чем несомненны, они также могут быть и ошибочными (ведь человек не Бог и может ошибаться), но определенно удобнее пользоваться двойным зрением – и разума, и веры, чтобы сделать самые важные идеи более понятными и/или более обоснованными.

Кстати, Сократ считал, что разум может доказать жизнь после смерти, опровергнуть греческих богов, а также показать вероятность перевоплощения душ.

Он мог ошибаться. «Кто сказал?» На этот вопрос есть очень ясный ответ – ты. Твой разум принадлежит тебе, и это твоя ответственность действовать в соответствии с разумом. Также твоей ответственностью является поиск разумных оснований для веры или неверия, ведь альтернативы разуму – предрассудки, страсти, моды, страхи – исходят не от тебя, но находят на тебя, на твой разум, извне – из темных мест.

10. После изложения своих мыслей и трех доводов в пользу существования жизни после смерти, Сократ приводит и миф, священную

историю, которая скорее символически, чем буквально, показывает, чем же именно является жизнь после смерти. (Эта часть диалога тоже пропущена нами). Важнейшим признаком, присутствующем во всех его символических рассказах, является справедливость. Нарушение справедливости заставило его покинуть мир людей, но он надеется, что мир богов идеально справедлив. (Всеобщие признанные истории о греческих богах, как они изложены у Гомера или Гесиода, показывают, что эти боги ничуть не более справедливы, чем люди).

Но эта догадка контрастирует с несомненностью и достоверностью бессмертия души и ее последствий: *«Правда, человеку здравомыслящему не годится утверждать с упорством, будто все обстоит именно так, как я рассказал. Но что такая или примерно такая участь и такие жилища уготованы нашим душам — коль скоро мы находим душу бессмертной, — утверждать, по-моему, следует, и вполне решительно. Такая решимость и достойна, и прекрасна»* (114d).

Вера Сократа не дает гарантий, но является «достойной решимостью», риском, «скачком». Но это скачок не в темноту – это скачок к свету.

11. Когда умирает любимый нами человек, сложнее всего смириться с тем, что мы никак не можем ему помочь. И один из друзей Сократа – Критон – задает ему вопрос, который мы все задали бы умирающему: *«не хочешь ли оставить какие-нибудь распоряжения?»*. И Сократ отвечает: *«Ничего нового я не скажу, Критон, только то, что говорил всегда: думайте и пекитесь о себе самих* (115b)».

Это не пустая фраза. Под «самими себя» Сократ имеет в виду душу, а под «попечением» - возвращение мудрости и добродетели. Сократ счастлив, когда те, кого он любит, находят счастье (не видимость счастья, а подлинное счастье). А подлинное счастье есть здоровье и совершенствование подлинного «я», души, а не удовлетворение желаний тела, которое у нас

подобно животным. Вся философия Сократа заключена в простой фразе: *«Пекитесь о себе самих»*.

12. Необходимо отметить и главное возражение, которое мы часто готовы разделить, когда Сократ говорит, что подлинное «я» - это душа. Тут он совершенно пренебрегает телом (это не неведение, не неосведомленность, а сознательное пренебрежение, игнорирование). В другом диалоге он даже называет тело (по древнегречески «сома») гробницей («сема») или тюрьмой души, а смерть, соответственно, - освобождением. Его надежда на жизнь после смерти, как кажется, больше подходит ангелам, чем людям. *«Те из их числа, кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обиталища еще более прекрасные, о которых, однако же, поведать нелегко»* (114с).

С одной стороны, отождествление подлинного «себя» с душой, а не телом, кажется верным. Если душа перешла из другого тела и теперь в твоём теле его душа, то «я» ты скажешь об этой душе, хотя она и была в ином теле, а не о своём теле, которое сейчас является приютом для жизни и души из иного тела. Это отождествление «я» с душой вынуждено поправлять наш привычный материализм: когда его друзья спрашивают, как его похоронить, Сократ с благородной отрешённостью высмеивает присущее им понимание, отождествляющее Сократа с его трупом.

«Как угодно, — отвечал Сократ, — если, конечно, сумеете меня схватить и я не убегу от вас.

Он тихо засмеялся и, обернувшись к нам, продолжал:

—Никак мне, друзья, не убедить Критона, что я — это только тот Сократ, который сейчас беседует с вами и пока ещё распоряжается каждым своим словом. Он воображает, будто я — это тот, кого он вскорости увидит мертвым, и вот спрашивает, как меня хоронить! А

весь этот длинный разговор о том, что, выпив яду, я уже с вами не останусь, но отойду в счастливые края блаженных, кажется ему пустыми словами, которыми я хотел утешить вас, а заодно и себя» (115 cd).

Да, я не тело, которое временно обладает душой (своей жизнью), и скоро потеряет ее и станет трупом. Я – душа, которая временно обладает телом и вскоре потеряет его. Умирая, я потеряю свое тело, но не душу. И следствием этого является одухотворение и освобождение.

Но, с другой стороны, есть разумные доводы сказать компетентное «нет» одному из воззрений Сократа.

1. Мое тело – не просто предмет (объект), но это сторона меня самого как мыслящего субъекта.

2. Если мы верим, что Бог создал нас в наших телах, и в то, что Бог не ошибается, и в то, что он создал также и ангелов (духов без тел), то нужно признать либо, что мы не ангелы, либо, что наши тела – это ошибка или несчастный случай.

3. Действительно ли мы предпочтем сократовское представление о бестелесной жизни после смерти нашему преобразению и совершенствованию тела вместе с душой?

4. Сократ несправедлив в вопросе важности и доброкачественности тела. Это не гробница и не тюрьма. Оно помогает душе приобретать мудрость, поставляя ей данные при помощи своих ощущений. Тело и производит потомство, нового человека – высшее творение во всей известной вселенной. Оно выражает мысли души и претворяет ее волю, подобно краске и холсту в руках художника.

5. Сократ несправедлив в вопросе взаимоотношения души и тела – «психосоматического единства», которое более походит на отношения между материалом и формой или сущностью произведения искусства, чем

на отношения между заключенным и клеткой или между всадником и конем.

Если эти критические рассуждения верны, то из них следуют несколько важных выводов:

1. Перевоплощения душ (реинкарнации) не существует. Сущность Гамлета не может перевоплотиться в Макбета. Мое тело – не один из многих внешних инструментов, не тюрьма, не гробница, но одно из необходимых измерений подлинного меня, а, следовательно, только мое.

2. Сократ не полностью преуспел в своих поисках повиновения первому закону бога – «познать самого себя». Его открытие души, как и его Урок №1, есть важнейшее начало, но не конец.

3. Важнейшее убеждение Сократа о том, что злой человек не может навредить хорошему человеку, должно быть несколько видоизменено: Если моему телу можно нанести урон, а тело – это часть меня, то, навредив моему телу, можно повредить мне. Признание психосоматического единства должно принять также и вывод о том, что через тело можно и непрямо нанести ущерб моей душе. Например, можно лишить меня знания. Или можно существенно затруднить мое стремление совершать добродетельные поступки – сложно оставаться миролюбивым и милосердным под пытками.

Тем не менее, истина Сократа о приоритете души, гораздо важнее истины о важности тела, которую он упустил. Материалист отрицает первую, спиритуалист – вторую. Если они обе неверны, как верит большинство людей, они должны сойтись в диалоге, в сократическом диалоге и быть рассмотрены с точки зрения разумных доводов. (Гениальная, но коварная и сложная попытка сделать это и оправдать «спиритуализм» Сократа через само отрицание реальности материи сделана Джорджем Беркли в «Трех диалогах между Гиласом и Филонусом»).

13. Сократ живет своей философией. Он до конца остается верен тому, что проповедует. Поэтому он не отшатывается от чаши с ядом. *«Сократ взял ее с полным спокойствием, Эхекрат, — не задрожал, не побледнел, не изменился в лице»* (117 b), в то время как все вокруг него рыдают.

Его благочестие сохраняется до конца, даже когда он спрашивает тюремщика, можно ли этим напитком сделать возлияние богам. Тюремщик не позволяет и вместо возлияния Сократ молится богам. И это человек, которого обвинили в атеизме?

Принятие яда не было самоубийством (как считают члены «Общества цикуты», которое одобряет самоубийство и использует название растения, убившего Сократа). Это было наказание, к которому его приговорил суд, а не его воля, не его желание. В действительности, буквально за несколько минут до этого он доказывает своим ученикам, что самоубийство ложно и нечестиво. Единственный его выбор это поведение при казни – с достоинством или без, в спокойствии или с криками и визгами. Если считать, что Сократ совершил самоубийство лишь потому, что не сопротивлялся своим палачам, то следует считать, что и Иисус совершил самоубийство, что совершенно абсурдно.

Мученик – это не самоубийца. В действительности, мученик есть противоположность самоубийце. Мученик настолько любит, что, если потребуется, готов пожертвовать всем, даже собственной жизнью. Самоубийца же не любит ничего в этой жизни достаточно для того, чтобы просто продолжать жизнь, даже если благочестие (если Сократ прав) требует, чтобы он жил, и ничего и никто не требует его смерти.

14. Чувство юмора Сократа также остается с ним до конца. Его последние слова – это шутка. Мученики часто так себя ведут, играя с жизнью, словно с игрушкой. Когда святого Лаврентия жгли на огне, он сказал: *«Поверните меня, пожалуйста. Другая сторона еще не готова»*.

Сократ сказал: *«Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте»* (118а).

Асклепий был греческим богом исцеления. Благочестивые греки спали в его храмах, надеясь на исцеление. Некоторые греческие врачи заявляли, что происходят от Асклепия (греческие боги часто сходились с людьми), многие заявляли, что он их вдохновляет. Когда благочестивый грек исцелялся от опасного смертельного заболевания, он должен был заплатить не только врачу, но и богу Асклепию, который, как предполагалось, вдохновлял врача. Богатый приносил в жертву овцу, бедный – петуха.

Но Сократ никогда не болел. Почему же он тогда должен приносить дар за исцеление от смертельной болезни?

То исцеление, которое он получает, — это смерть. Болезнь – это жизнь. Эта болезнь всеобща и смертельна – никто не может остаться живым. Сократ рассматривает жизнь в этом мире и свое тело как болезнь, от которой может исцелить только бог.

15. Заключительная эпитафия Платона Сократу столь же проста, кратка, ясна и прямолинейна, как сам Сократ.

«Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека — мы вправе это сказать — самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого» (118а).

Платон – хороший стратег. Он приберегает козыри до конца игры. Диалог Федон, как мы видели, делится на две части: одна описывает слова Сократа о его бессмертии, вторая – его дела. Платон знает, что самым убедительным доказательством правоты Сократа является результат его жизни, особенно в самый критический момент – при столкновении со смертью. Как говорится в известном изречении, «То, чем ты являешься, говорит за тебя так громко, что я не могу слышать твоих слов». Доводы

Сократа в пользу бессмертия (мы их все разобрали) не являются его главным наследием. Главное наследие – он сам. Ведь когда представление о Сократе встречается с нашим представлением о смерти, меняется само представление о смерти.

А также и о жизни.